

УДК 930(47+57)КРЫМ(092)

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ
ИСТОРИИ КРЫМА: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)**

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
dr.aan@mail.ru*

Впервые предпринята попытка обобщить обширный материал по становлению крымоведческой историографии. Восстановлены основные вехи в изучении полуострова (опубликованное и рукописное наследие). Автор продемонстрировал, что зарождение интереса к Крыму в научной литературе было тесно связано с политическими и экономическими интересами Российской империи. Показана роль экспедиций Петербургской академии наук и многочисленных записок российских и европейских путешественников для становления знаний о полуострове. Выделены научные центры и наиболее крупные деятели крымоведения, сочинения которых стали для своей эпохи основой для дальнейших исследований. Показано, что эти труды (Е. Е. Кёлер, П. И. Кёппен, В. Д. Смирнов и др.) и сегодня не только не утратили актуальности, но и находятся в первых строчках рейтингов цитирования. Обзорно упомянуто про складывание местной научной группы историков, объединенных в Таврическую ученую архивную комиссию (1887–1923). Приведены ссылки на труды автора статьи, в которых подробно раскрыты отдельные крымоведческие направления, затронутые в статье лишь тезисно. Показано значение наиболее результатного научного сообщества 20-х годов XX века – Российского общества по изучению Крыма. Прослежена история создания в середине XX столетия первой попытки написания официальной обобщающей работы по истории Крыма (П. Н. Надинский).

Ключевые слова: историография, Крым, крымоведение, изучение Крыма.

Необходимость работы по формированию обобщающего очерка историографии истории Крыма давно очевидна. Разработки в области исторического крымоведения в последние два десятилетия значительно шагнули вперед. Снятие идеологической цензуры с конца 80-х годов XX столетия, введение в научный оборот неизвестных либо недоступных корпусов документальных материалов по отдельным сюжетам истории Крыма и по истории науки позволили раскрыть многие страницы прошлого. Вместе с тем появляются и дилетантские работы, которые получают соответствующую оценку в научной литературе [1; 2].

Круг проблем, связанных с изучением истории, этнографии, экономики Крыма, вызывал все больший интерес у европейских ученых и в широких кругах просвещенной интеллигенции с середины XVIII века. Повышенное внимание к полуострову было обусловлено рядом объективных причин. Прежде всего, это дряхление некогда могущественного и опасного для соседей Крымского ханства и непосредственно связанное с этим процессом постепенное расширение Российской империи на юг; никогда не угасавший в различных кругах российского общества интерес к насыщенной истории Крыма; попытки осмыслить политический и

социально-экономический уклад Крымского ханства, все еще оставшегося загадкой для европейцев в связи с информационным вакуумом, долгое время существовавшим вокруг этого государства. Интерес к региону поддерживали и постоянные в XVIII веке русско-турецкие войны. В России в 70-х годах XVIII века инициатива изучения Крыма исходила главным образом от правительственных кругов, давно заинтересованных в изменении условий для российской внешней торговли на Черном море.

Удачный для России исход войны с Турцией 1768–1774 годов, провозглашение независимости Крымского ханства от Османской империи в 1774 году, согласно условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора, и последующие политические события вокруг Крыма еще более привлекли внимание к этому региону. А присоединение полуострова к Российской империи в 1783 году особенно обострило интерес к краю как на западе Европы, так и в России. Экономические и политические интересы, связанные с освоением новых территорий, требовали их досконального научного исследования. Именно с этого времени, благодаря переориентации общественной жизни на полуострове на европейский лад, появилась и реальная возможность для его всестороннего освоения.

Первым исследованием историка-профессионала, где крымская тематика занимает важное место, стала книга Готлиба Байера (1694–1738) «Краткое описание военных случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онага под Российскую державу». Знаково, что первое издание книги пришлось на 1738-й – год, когда русские овладели Азовом. Второе издание – на 1768 (начало очередной русско-турецкой войны), а третье – на 1782 год – незадолго до присоединения полуострова. Г. З. Байер первым остановился на проблеме слабо развитой экономики Крымского ханства, несколько страниц посвятив и внутривнутриполитическому устройству и распрям между основной и побочной линиями Гиреев, влиянию на эти события Турции. После заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора была подготовлена книга Павла Левашова «Картина или описание всех нашествий на Россию татар, турков, их тут браней, грабительств и опустошений, начавшихся в половине десятого века и почти непрерывно через восемь сот лет продолжавшихся, с приложением нужных примечаний государей и разных известий, касательно Крыма, прав российских государей на оной и проч.». Однако издана она была только в 1792-м – после подписания Ясского мира, закрепившего за Россией земли до устья Днестра. П. Левашов кратко пересказал летописные сведения о борьбе славян с кочевыми народами начиная с X века, остановился на борьбе и свержении монгольского ига, московско-турецко-крымских противоречиях и войнах.

В научной жизни Российской империи в данный период определяющее место занимала Санкт-Петербургская (Петербургская императорская) академия наук, где сосредоточились лучшие ученые силы страны. По заданию правительства эта научная организация провела ряд комплексных экспедиций в Крым, которые согласно поставленным задачам можно разделить на две группы: экспедиции астрономические и географические, а также так называемые «физические» ученые путешествия. Их содержание охватывало достаточно широкий круг исследований,

начиная от биологических и физико-географических наблюдений до изучения истории, этнографии, лингвистики, экономики.

Опубликованные материалы «физических» экспедиций Академии наук – поездок 1782 года – Василия Федоровича Зуева (1752–1794), 1785 года – Федора Осиповича Черно́го (1745–1790), 1793–1794 годов – Петра Симона Палласа (Pallas) (1741–1811), 1795–1798 годов – Фридриха Августа (Федора Кондратьевича) Маршалла фон Биберштейна (Marschall von Bieberstein) (1768–1826) и других ученых являются ценным первоисточником о состоянии полуострова в конце XVIII – начале XIX века. К разработке их маршрутов и исследовательских программ были привлечены Вольное экономическое общество, Медицинская, Коммерц- и Берг-коллегии. Главными целями экспедиций определялось: исследование производительных сил региона, изучение местных народов, выяснение возможностей использования «произведений природы» населением. Типовая инструкция предлагала участникам экспедиции описывать населенные местности, их достопримечательности (достопамятности); встречающиеся на пути природные и исторические памятники; физическое состояние, быт и занятия населения; промышленные предприятия; природу края, а также пути сообщения и их пригодность для коммерческих целей. Выполнять данную энциклопедическую программу следовало в дневниковой форме (путем ежедневных записей), которые отправлялись в Санкт-Петербург по мере накопления материалов. Архивные документы свидетельствуют, что Академия наук нацеливала ученых на ознакомление и фиксацию как памятников материальной культуры Крыма, так и этнографии – быта, жилищ, одежды, праздников и др. – прежде всего самого многочисленного и слабо изученного населения полуострова – крымских татар [3].

Все труды «физических» экспедиций публиковались сначала по отдельности. Позднее наиболее информативные из них были объединены в «*Полном собрании ученых путешествий по России...*». Обширная издательская география трудов ученых (особенно П. С. Палласа), внимание к ним в Европе и в России способствовали популяризации изучения Крыма. Эти сочинения до сих пор лежат в основе наших знаний о природе и населении изучаемых мест [4]. К ним неизменно обращаются историки, географы, этнографы, ботаники, зоологи, геологи, статистики, археологи и языковеды. Описания экспедиций, совершенных в рамках исследований Академии наук, являются «неисчерпаемым источником разнообразнейших крупных и мелких, но всегда научно точных данных» [5, с. 224].

Так, П. С. Паллас представил обстоятельные этнографические описания крымских татар, ногайцев, других народов Северного Причерноморья и Крыма. Интересно, что академик весьма критично отнесся к мерам правительства по разведению казенных виноградников, справедливо полагая, что они ничего не дадут, кроме разворовывания государственных субсидий. Плодоносные земли Крыма и Северного Причерноморья ученый считал более всего подходящими для организации хозяйств фермерского типа. П. С. Паллас обосновал выгоды, которые получило бы государство при привлечении на южные территории империи иностранных колонистов, а также армян и молдаван с предоставлением им «колониистских прав». Так, он предложил заселять обезлюженные в связи с

эмиграцией крымских татар районы Крыма крестьянами – выходцами из виноградных кантонов Швейцарии, имевшими вековой опыт возделывания виноградной лозы [6].

Отдельным этапом в накоплении историко-краеведческих знаний о Крыме стали археологические экспедиции 1804 и 1821 годов, возглавляемые немецким антиковедом Генрихом Карлом Эрнстом (Егором Егоровичем) Кёлером (Köhler) (1765–1838), работавшим в Санкт-Петербургской академии наук и Эрмитаже. Для экспедиций (особенно значимой в деле сохранения культурного наследия оказалась вторая из них) были составлены специальные инструкции, где подчеркивалась необходимость снять как можно более точные чертежи и копии с развалин и надписей; предписывалось собрать сведения об археологических раскопках, «могущих прояснить историю оной классической земли» [7]. 28 февраля 1821 года на заседании Конференции АН академики Ф. Б. Грефе, Ф. И. Круг и Х. Д. Френ «представили замечания и дополнения к инструкции Е. Е. Кёлера для его поездки в Крым» [8]. Е. Е. Кёлеру выделялись средства «из экономических сумм» Академии наук на покупку древностей и монет. Предметом особого внимания академика стали древние памятники и надписи, их описание и анализ. Сообщения о них были помещены в изданиях Академии наук [9]. В архиве Государственного Эрмитажа (личном фонде Е. Е. Кёлера) сохранились также рукописные записки ученого об исследовании им памятников в районах Балаклавы, Керчи, Феодосии, Херсонеса [10].

После возвращения в столицу Е. Е. Кёлер представил в Академию наук и министру духовных дел и народного просвещения донесение «О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных» и записку «Опись памятникам, которых сохранение должно быть поручено надзору губернаторам и местному начальству в Крыму». В этих материалах академик подробно охарактеризовал крымские древности. Все памятники Крыма он разделил на два класса. К первому относились постройки греческие, генуэзские и татарско-турецкие, восстановление которых не требовало значительных денежных и временных затрат: евпаторийская мечеть Джума-Джами, мавзолей в Эски-Юрте, мангупские и балаклавские укрепления, Судакская крепость, бани и мечети в Феодосии, крепость и мечети в Эски-Сарае. Стоимость поправок этих памятников определялась сопровождавшим ученого архитектором и художником Е. Ф. Паскалем в 41 тысячу рублей. Ко второму классу древностей Е. Е. Кёлер отнес остатки греческой архитектуры, представляющие собой развалины: остатки Херсонеса-Корсуня, гробницы в Керчи, основания храмов по всему Южному берегу и в Юго-Западном Крыму, гурзуфские укрепления, дворец в Бахчисарае, пещерные церкви [11]. По мнению Е. Е. Кёлера, для всех памятников второй группы, в связи с их важным значением для науки и ветхим состоянием, необходимо издать подробные описания в виде 12–15 книжек с хорошими рисунками.

В тот период не существовало устоявшихся норм изучения и охраны культурного наследия. Е. Е. Кёлер, который путал византийские, итальянские и крымскотатарские архитектурные постройки, предложил памятники первой группы привести «единожды в хорошее состояние и в оном содержать». О полном

непонимании ученым-антикваром самобытности и важности сохранения памятников истории и культуры Крымского ханства свидетельствует его предложение снести «ветхий» дворец крымских ханов в Бахчисарае, а вместо него построить каменный, меньших размеров, в восточном «вкусе». Памятники второго класса, по мнению ученого, «будучи охраняемы от разрушения, могут существовать целые веки». Обратив внимание на усиленное разрушение памятников крымскотатарской культуры, Е. Е. Кёлер заметил, что правительство должно запретить порчу архитектурных памятников независимо от того, какому народу они принадлежат [12].

Достижением экспедиции стало принятие 4 июля 1822 года высочайшего повеления «О средствах к сохранению древних достопамятностей Тавриды» [13]. На это было выделено десять тысяч рублей. Однако такой суммы было достаточно только для ремонта бань в Феодосии. Реставрация евпаторийской мечети, к слову, требовала четырнадцать тысяч рублей, балаклавских укреплений – семь тысяч. На заседании Конференции Академии наук 4 сентября 1822 года Е. Е. Кёлер зачитал доклад «О реставрации крымских памятников» [14]. Итогом изучения памятников материальной культуры Крыма стал и ряд монографических исследований Е. Е. Кёлера, сделанных в последующие годы [15]. Правительство же декларировало памятникоохранительные мероприятия: 4 июля 1822 года на основе записки министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына от 17 апреля (№ 1219), составленной по выводам Е. Е. Кёлера, были приняты «Положения Комитета Министров о сохранении памятников древности в Крыму».

Экспедиции по изучению различных сторон жизни полуострова в конце XVIII – начале XIX века, организованные Петербургской академией наук, стали начальным этапом в изучении памятников истории и культуры народов Крыма. Впервые были представлены природно-географические описания края; проведена первичная каталогизация и описание наиболее примечательных крымских древностей; благодаря деятельному участию ученых поставлен вопрос о сохранении памятников в Крыму и приняты соответствующие правительственные постановления, что позволило спасти от разрушения многие древние монументы и сохранить их до наших дней; руководители экспедиций сделали попытки представить первые очерки истории Крыма (В. Ф. Зуев) либо изложить отдельные исторические сюжеты, связанные с археологическими находками (Е. Е. Кёлер, П. С. Паллас); на основании изучения на месте древних памятников появились первые в российской историографии крымоведческие исторические сочинения высокого научного уровня (Е. Е. Кёлер); заложены основы развития научной крымоведческой этнографии. Записки академических экспедиций (В. Ф. Зуев, Е. Е. Кёлер, П. С. Паллас) содержат богатейший первичный материал по этнографии караимов и крымских татар в первые десятилетия после присоединения Крыма к России. Специальные научные исследования (И.-Г. Георги, А. М. Шёгрэн) стали базой для дальнейших штудий в этом направлении; издание трудов-отчетов об экспедициях (В. Ф. Зуев, П. С. Паллас, И. Я. Ф. Паррот, М. Ф. Энгельгардт) на русском и других европейских языках способствовало распространению научной информации о полуострове, установлению научных контактов с зарубежными учеными обществами; ещё в

большей степени открывало дорогу в Крым западноевропейским исследователям; во время экспедиций составлены подробные карты Тавриды. Значительную роль в этом играл Географический департамент Академии наук. Следовательно, экспедиционную деятельность Петербургской академии наук по изучению Крыма нельзя ограничивать перечисленными крупными научными путешествиями. Организовывались и специальные поездки для составления географических карт, на которые наносились уникальные исторические памятники, что способствовало развитию исторического крымоведения; опубликованные и рукописные труды экспедиций являются сегодня занимательными источниками о различных сторонах жизни Крыма в конце XVIII – начале XIX века, и прежде всего о памятниках истории и культуры, которые не сохранились либо подверглись частичному разрушению. Экспедиционное изучение Крыма также способствовало популяризации знаний о крае, благодаря чему Крым вскоре стал местом паломничества многочисленных отечественных и зарубежных путешественников.

Екатерининский век, с которого и начинается активное посещение Крыма отечественными и иностранными гостями, вообще характерен интересом ко всему, связанному с Востоком. России сопутствовала удача в войнах с Османской Портой, усилились ее позиции в Закавказье, появились планы дальнейшей экспансии в Среднюю Азию и даже в Восточную Индию [16, с. 4]. Дипломатическое и военное продвижение Российской империи на Восток способствовало самому пристальному вниманию к этим районам не только в стране, но и за ее пределами, особенно в Европе. Присоединенное в 1783 году Крымское ханство представляло яркий пример типичного восточного государства, которое навеивало соответствующий романтический ореол. Непосредственным толчком, вызвавшим затем первую волну путешествий в Крым, стала поездка сюда российской императрицы в 1787 году в сопровождении многочисленной свиты и европейских дипломатов. Специально выпущенный по этому случаю путеводитель, воспоминания о поездке с подробным описанием Тавриды, подготовленные принцем де Линем и французским послом графом Сегюром, которые уже в начале XIX века увидели свет в русской редакции, – все это должно было способствовать не просто пробуждению интереса к вновь приобретенным землям, а поощрять (пример был показан) путешествия сюда российской элиты.

Появившиеся в этой связи многочисленные записки-отчеты путешественников являются разновидностью мемуаров. Они зачастую выглядели в виде дневника, описывающего мелочи жизни изо дня в день, а порой были выражены в форме писем к друзьям. Сочинение могло отличаться серьезностью, практичностью или наоборот быть романтическим, мечтательным, игривым. Многие труды имели документальный характер. Как жанр эти записки в тематическом отношении впитали в себя такие характерные для сентиментализма черты как восхваление жизни близкой к природе, культ дружбы, сельский пейзаж [17].

Из первой волны отечественных путешественников выделим наиболее обстоятельные записки о своем пребывании в Крыму оставил литератор, крупный государственный чиновник Павел Иванович Сумароков (1760–1846), племянник известного русского писателя А. П. Сумарокова. После первой поездки в Крым в

1799 г. П. И. Сумароков опубликовал объемные воспоминания, где поместил историческое и географическое описание края. Хотя эти справки были довольно лаконичными, в записках, по мнению критиков, немало было «полезных указаний для статистики и археологии» [18, с. 643]. Пребывание П. И. Сумарокова в Крыму в начале XIX века было связано с работой в созданной в 1802 году Комиссии для разбора земельных споров на полуострове. Описание этого второго путешествия он озаглавил «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду». Двухтомник вышел в Санкт-Петербурге в 1803–1805 годах. Издание снабжено большим количеством рисунков, описаний памятников, которые исчезли уже к середине XIX века. Рассказывая о поездках по Крыму, автор привел подробные описания городов, очерки культуры и быта народов Крыма. Представляют значительный источниковедческий и историографический интерес путешественные записки – результат экскурсии по Крыму в 1815 году, подготовленное командующим мелкими судами Черноморского флота, впоследствии генералом-майором, Владимиром Богдановичем Броневским (1784–1835), в 1820 году – Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола (1765–1851), в 1825-м – издателя «Отечественных записок» Павла Петровича Свиньина (1788–1839) [19]. Заметной вехой в развитии «литературы путешествий» стали «Очерки России» Вадима Васильевича Пассека (1808–1842) [20].

По справедливому замечанию академика С. Ф. Платонова, который активно курировал крымоведение 20-х годов XX века во второй трети XIX века Крым еще в большей степени стал предметом внимания русского образованного общества и заграничных туристов [21, с. 121–123]. В это время начинает меняться и социальный состав путешественников. Если в конце XVIII – начале XIX века такого рода поездки могли позволить себе лишь состоятельные люди, то теперь среди путешественников можно было встретить больше литераторов, профессоров вузов, чиновников из столиц и администрации Новороссийского края. После того, как Крым в 1816 году посетил путешествовавший с образовательной целью великий князь Николай Павлович, сюда все чаще и чаще приезжали представители царской фамилии. Публикации о поездках в Крым стали массовым явлением в России и за ее пределами [22, с. 38–150].

Первые иностранные путешественники, живописавшие крымские достопримечательности, появляются на территории полуострова задолго до присоединения Крыма к России, однако тот факт, что Крым вышел из-под власти некогда мощной Османской империи и стал частью другой влиятельной державы, дал новый толчок путешествиям на полуостров. Постепенно вояжи становятся многочисленней, маршруты разнообразнее, а состав приезжих – разнороднее. Поначалу в Тавриду приезжали те, кто был связан долгом службы – в основном это члены иностранных дипломатических миссий и послы, стремившиеся удовлетворить любопытство своих суверенов в отношении новых земель России, военные и ученые. Без малого год (в 1786–1787 гг.) в России пробыл креол Себастиан Франсиско де Миранда Родригес (1750–1816) – участник войны за независимость США, французской революции 1789 г. и венесуэльской войны за независимость. Четыре года (с 1785 по 1789 гг.) в России провел посол Людовика

XVI при дворе Екатерины II французский историк и дипломат граф Луи (Людовик) Филипп де Сегюр (1753–1830). В 1787 г. он был в составе свиты, сопровождавшей императрицу Екатерину II в Крым. Богатейший жизненный опыт и склонность к литературным занятиям заставили де Сегюра взяться за перо, в результате чего родились его записки, мемуары и воспоминания – всего 36 томов, три из которых были опубликованы при жизни автора в 1824–1826 гг. Еще одним современником той эпохи был австрийский дипломат при дворе Екатерины Великой Шарль де Линь (1735–1814), который также отправился в крымское путешествие – мероприятие, которое «обещало быть и было грандиозным» – по личному приглашению императрицы. Принц де Линь оставил 34 тома записок под заглавием: «*Mélanges militaires, littéraires et sent mentaires*», написанные в 1795–1804 годах [23]. Написанные от лица высокопоставленных особ, близких к правящим и дипломатическим кругам европейских стран, подобного рода мемуары содержат ценную информацию о характере политических процессов, происходивших при дворе, и о правительственных планах в отношении крымского региона сразу же после включения его в состав империи.

С присоединением Крыма к России в академической среде под влиянием правительственных запросов было определено несколько приоритетных направлений освоения полуострова, среди которых определяющим оставалось его экономическое развитие. Заинтересованная в вовлечении Крыма в международную торговлю, Россия налаживала торгово-дипломатические связи в черноморском регионе. Одновременно в Тавриде появлялись визитеры, задачей которых была инспекция экономического состояния крымских городов. С этой целью в Южную Россию в 1803 г. прибыл барон Жуан де Рейи (1780–1810). Записки Ж. Рейи содержат богатую сведениями историческую составляющую благодаря поддержке со стороны академика П. С. Палласа: автор осветил состояние торговли на Черном море, составил карты, планы и виньетки, написал пространный пассаж об истории края, в котором он опирался на светил истории древности и соответствующей ему современности [24].

Среди исследователей Южной России и Крыма в конце XVIII – первой половине XIX в. особое место принадлежит Фредерику Дюбуа де Монпере (1798–1850) – путешественнику, археологу, этнографу, натуралисту. Он предпринял подробнейшее историко-археологическое изучение памятников древней истории в России – на Кавказе и в Северном Причерноморье. Его сочинение, представляющее собой непревзойденный источник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике, геологии, минералогии, ботанике, не утратило своей актуальности и по сей день, продолжает использоваться исследователями названных направлений [25]. В плеяде ученых путешествий значительно выделяется имя Карла Эмиля Генриха Коха (1809–1879). В 1843 году он посетил Понтийское плоскогорье и побывал в Крыму – в Керчи, Феодосии, Карасубазаре, Симферополе, Бахчисарае, Чуфут-Кале, Иосафатовой долине, Севастополе с древней землей Херсонеса [26]. Особенностью этих и других «ученых» экспедиций была и остается их информативность с точки зрения насыщенности историческими фактами.

Постепенно «открывая» Крым, иностранные путешественники, увлеченные тем, чтобы на карте мира не оставалось более terra incognita, стали практиковать образовательные поездки на полуостров. Среди таковых выделяются путешествия в Крым Шарля Жильбера Ромма (1750–1795) и его воспитанника Павла Строганова в 1786 г., а также Эдварда Дэниела Кларка (1769–1822), который побывал в Крыму в 1800 г. со своим воспитанником Дж. Криппсом. Сочинение автора, хотя и изобилует русофобскими замечаниями, чрезвычайно информативно и полно справедливых наблюдений, Кларк был знаком с П. С. Палласом и совершил с ним несколько экскурсий по полуострову [27].

Сведения, добытые путешественниками в ходе поездок, неизменно оказывались в поле зрения тайных разведывательных служб. Зачастую путешественники собственноручно являлись агентами подобных подразделений или просто подозревались в шпионаже. И это неслучайно – испокон веков Крымский полуостров считался своего рода пограничной территорией, неоднократно оказывался неподалеку от театра военных действий в ходе ряда вооруженных конфликтов; вполне закономерно, что определенная часть путешественников отправлялась на юг России и в Крым не ради описания исторических древностей, а как военные писатели – ради изучения тех мест, где проходили или могли проходить военные события. В этой связи заслуживают внимания имена французского монархиста Анри-Александра-Леопольда Кастри де Во (1771–1832) – инженера-топографа, лейтенанта в армии принца Конде, Джорджа Мэтью Джоунса (1785–1831) – военного офицера, путешественника, посетившего южные регионы Российской империи в 20-х гг. XIX в., Джеймса Эдварда Александера, побывавшего наряду с Индией (1824–1825), Персией (1826–1829), Балканами (1829–1830), Португалией (1832–1834), Южной Африкой (1835), Канадой (1841–1855) и в Крыму (в 1829 г. и в мае–июне 1855 г.) [28].

В начале XIX в. наряду с путешествиями одной их форм изучения новых территорий были религиозные экспедиции, которые проводились в рамках миссионерской деятельности. С этими целями в Россию, Правобережную Украину, Крым и Кавказ отправились агенты Британского Общества, среди них были миссионеры Реджинальд Хебер (1783–1826) и Эбенезер Гендерсон (1784–1858), написавший позже подробнейший отчет о поездке, вышедший в виде мемуаров [29]. Труд Э. Гендерсона служит ценным источником, из которого можно почерпнуть сведения по истории, топонимике и этнографии Южной России и Крыма XIX в., статистические данные на тот период (состав и численность населения, количество церквей и учебных заведений в крупных городах России и Крыма); его записки, носящие личностный характер, позволяют по-новому взглянуть на первых лиц губернии, с которыми виделся путешественник. Миссионер не оставил без внимания древности Северного Причерноморья – памятники античности и средневековья, которые он встречал на своем пути.

Сочинения иностранных путешественников во многом носят энциклопедический характер. Они поражают своей полнотой, широтой взглядов авторов, логикой их рассуждений и вместе с тем содержат специфический взгляд на российскую действительность. Чаще это взгляд со стороны «другого», свободный

от привычных штампов или, напротив, скованный определенными клише. Но всегда этот взгляд свежий и интересный, порой недостаточно справедливый, однако указывающий на незаметные русскому разуму факты.

К моменту наступления российского «золотого века путешествий», т.е. к 40-м гг. XIX в., завершился начальный этап знакомства с древностями Северного Причерноморья, появились сочинения «по древней истории Скифии и Сарматии» – Ж.-Б. д'Анвиля, О. де Ла Мотре, Ш. Пейсоннеля, И. Э. Тунмана, купца Н. Э. Клемана. И хотя Крым был еще изучен слабо, интерес к крымской истории уже оформился [30].

Записки путешественников по Крыму стали отдельным пластом в накоплении историко-краеведческих знаний. Различаются как поверхностные, компилятивные сочинения, где превалирует описание праздной курортной жизни, так и обстоятельные работы, написанные с привлечением основных крымоведческих сочинений тех лет, собственными трактовками истории края, сделанными на основе дилетантских археологических раскопок, изучения письменных первоисточников. Благодаря этим работам появились многочисленные описания во многом утраченных объектов культурного наследия на европейских языках, что способствовало их дальнейшему изучению. Готовясь к поездкам, работая над описанием «крымских впечатлений» наиболее просвещенная часть путешественников систематизировала знания, накопленные до этого в научной литературе. Разработка и публикация в воспоминаниях туристов общих исторических очерков Крыма, подготовка разделов, связанных с историей отдельных городов или памятников способствовали популяризации истории края. Записки путешественников, приложенные к ним и изданные отдельно виды, рисунки, фотографии являются для нынешнего поколения исследователей важным историческим источником. Материалы, собранные путешественниками, стали базой для более фундаментальных исследований Крыма в дальнейшем [31].

Целая эпоха в историческом крымоведении связана с научными изысканиями академика Петра Ивановича Кёппена (1793–1864), который увлеченно занимался изучением широкого круга лингвистических, библиографических, этнографических и исторических проблем. В первой четверти XIX века видный российский государственный деятель Николай Петрович Румянцев (1754–1826) объединил вокруг себя блестящую плеяду ученых, куда был приглашен и П. И. Кёппен, заняв там особое место. Молодой чиновник быстро вошел и в круг столичных литераторов. В 1819 году П. И. Кёппен получил задание провести ревизию почтовых станций по Белорусскому тракту до Крыма и Кавказа. С этой командировкой связано первое его посещение Южного берега Крыма, который произвел на ученого неизгладимое впечатление. В Крыму П. И. Кёппена заинтересовали многочисленные археологические памятники. Интерес вызвали и этнографические особенности населения. Первые научные публикации в области истории древнего Причерноморья принесли ученому заслуженное признание европейской науки. В 1825 году в Тюбингенском университете он получил степень доктора философии, а в следующем году Российская академия наук избрала его своим членом-корреспондентом [32].

Дальнейшие изменения в служебной карьере Петра Ивановича были связаны с назначением его друга Христиана Христиановича Стевена главным инспектором шелководства Юга России. Желая служить в ведомстве Х. Х. Стевена [33], П. И. Кёппен в 1827 году перевелся в подотдел МВД, который занимался вопросами сельского хозяйства и переехал в Крым [34]. В 1829 году он получил давно желанную должность помощника главного инспектора шелководства, садоводства и виноделия [35].

По заданию Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова в 1833 г. П. И. Кёппен начал работу над проектом первого фундаментального историко-этнографического описания Крыма. Издание планировалось осуществить в четырех томах. Первый том предполагалось посвятить каталогизации древностей Южного берега Крыма и Крымских гор; во втором – дать перечень селениям Таврической губернии; в третьем – топографическую информацию о Южном берегу Крыма и горной части полуострова, а в четвертом – поместить историко-географические материалы: список крымских ханов, указатель температур крымских рек и ключей, шкалу высот над уровнем моря и ряд других очерков [36]. С подготовкой этого труда связан ряд опубликованных и оставшихся в рукописи путешественных записок П. И. Кёппена [37]. Сохранилась переписка П. И. Кёппена с М. С. Воронцовым, где исследователь сообщал о ходе работ по подготовке издания [38].

По поручению М. С. Воронцова непосредственную помощь в подготовке книги Петру Ивановичу оказывал таврический губернатор Александр Иванович Казначеев, который приложил все усилия для «приведения в исполнение чрезвычайно полезного мероприятия» [39]. Благодаря архивным разысканиям А. И. Маркевича в 1914 году была опубликована переписка П. И. Кёппена с А. И. Казначеевым (конец 1835–1836 годов), где речь идет о сборе материалов для четырехтомника [40]. А. И. Казначеев принимал активное участие и в редактировании рукописи. Он занимался проверкой правильного написания названий селений, рецензировал «Указатель» к карте Южного берега Крыма. Карта готовилась как отдельное издание. С приложением «Указателя» она увидела свет в 1836 году. Её появление было чрезвычайно актуально, так как предыдущий тираж общедоступной карты Крыма, составленной генерал-майором Мухиным, датировался 1817 годом [41]. Она была полна неточностей в написании названий населенных пунктов. Текст, сопровождавший предлагаемую П. И. Кёппеном новую карту, включал алфавитный и географический указатели, а также перечисление ошибок, допущенных в карте Мухина [42]. На выход в свет карты и указателя откликнулась главная газета Новороссийского края – «Одесский вестник», в публикации которой был отмечен высокий уровень издания и скрупулезная работа, проведенная составителем, по проверке правильности географических и административных названий [43].

Очевидно, М. С. Воронцов оказался не готов профинансировать издание столь объемного сочинения, каким его видел П. И. Кёппен. В итоге свет увидел лишь первый из планируемых четырех томов, который получил общеевропейскую известность как «Крымский сборник». Такое название было напечатано на его

обложке. Согласно титульному листу книга называется «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» [44]. К оставшимся в рукописи многочисленным материалам ученый смог вернуться лишь в последние годы своей жизни, но так и не успел их издать.

Условно «Крымский сборник» можно разделить на несколько разделов. В первом – «Древности» – приведены описания археологических памятников, сохранившихся в Тавриде, с указанием сведений о них, встречающихся у античных и средневековых авторов. Далее следуют очерки по истории введения христианства в Крым, деятельности Готфийской епархии с указанием древних христианских памятников в Крыму; очерк по развитию Южного берега Крыма под властью Оттоманской империи в средние века и обзор гетуэзской эпохи в истории края. Книга содержит алфавитный и географический указатели.

Исследование стало первым обстоятельным систематическим описанием археологических памятников Крыма, их местонахождения и состояния. По их географическому положению историк указал на характерную для средневековья конфронтацию кочевой степи и оседлых земледельцев горных долин. Этим он объяснил выбор места для поселений с учетом возможности организации своей безопасности за счет неприступных гор. Автор привел первое в литературе сравнительное архитектурно-археологическое обследование христианских культовых сооружений в Крыму (греческих и армянских), зафиксировал существовавшие средневековые некрополи. Последние факты имеют для современных исследователей особое источниковедческое значение, так как именно эти памятники более всего пострадали вследствие хозяйственной деятельности [45].

В «Крымском сборнике», как и в других работах ученого, проявился характерный для него метод археологического картографирования. Первостепенное значение при этом уделялось предварительному тщательному осмотру местности, где находились древние памятники. Систематизируя информацию о древностях, П. И. Кёппен смог определить крайнюю южную границу распространения каменных надкурганых изваяний половецкого типа, которая документирована памятниками в нижнем течении реки Качи, близ Бахчисарая. До сих пор это свидетельство остается решающим при определении глубины проникновения команов в Тавриду в XI – XVIII веках [46].

Появление «Крымского сборника» вызвало несколько положительных рецензий, в которых подчеркивалась научная значимость сочинения, его важность для развития археологии и топографии, отмечалась необычная широта охвата источников и высказывались пожелания автору продолжить свой труд последующими выпусками [47]. Высокую оценку изданию дали корифеи отечественного крымоведения – современники автора и представители последующих поколений исследователей [48]. Так, известный археолог, нумизмат и геральдист Б. В. Кёне (1817–1886) отметил, что книга содержит «превосходные известия о Крыме» [49]. А. И. Маркевич в 1914 году констатировал, что «Крымский сборник» «до сих пор представляет незаменимое пособие для всех, занимающихся древностями и историей Крыма» [50].

В 1840 году свет увидел немецкий сокращенный вариант «Крымского сборника», вышедший под названием «Taurica». Он содержал описание наиболее выдающихся археологических памятников полуострова [51].

Становление русской науки о классических древностях Северного Причерноморья прошло несколько этапов. В конце XVIII века был разработан междисциплинарный, «экосистемный» подход в памятниковедении, выразившийся в подготовке как описаний культурного наследия, так и подготовке картографических материалов, сохранивших научную значимость до наших дней. В первой трети XIX века наравне с самоосознанием археологии как отдельной науки о древностях, шло открытие, фиксация, накопление и публикация информации о крымских памятниках. Как ученых, так и дилетантов привлекали многочисленные остатки объектов материальной культуры, надписи, монеты. В среде российского образованного общества формировалась группа ценителей античного культурного наследия. Это были военные, духовные лица, моряки, гидрографы, чиновники, которые самостоятельно проводили многочисленные раскопки, носившие большей частью грабительский характер и не сопровождавшиеся какой-либо документацией. Появление в России нового высокообразованного поколения исследователей Крыма привело к формированию столичного и провинциальных центров по изучению крымских древностей в Санкт-Петербурге (Е. Е. Кёлер, П. И. Кёппен), Одессе (И. П. Бларамберг, Э. В. Тетбу де Мариньи) и Керчи (А. Б. Ашик, П. П. Дюбрюкс, Д. В. Карейша, И. А. Стемповский). Открытие в 1830 году богатого склепа в кургане Куль-Оба положило начало систематическим «разрытиям», а позже раскопкам на территории бывшего Боспорского царства. Приход в науку нового поколения исследователей, понимающих важность объединения усилий для сбора, изучения и охраны древних объектов, группировавшихся вокруг Одесского общества истории и древностей (с 1839 г.) и Русского археологического общества в столице (с 1846 г.) завершило процесс оформления крымоведческого направления в классической российской археологии, и самой классической археологии как науки [52, с. 607–608].

Во второй половине XIX века складываются научные центры по изучению исторического крымоведения в Санкт-Петербурге (Н. И. Веселовский, Б. В. Кёне, В. В. Латышев, М. И. Ростовцев, В. Д. Смирнов, Д. А. Хвольсон и др.), Москве (А. А. Авдеев, В. А. Гордлевский, А. В. Орешников, М. П. Погодин, Д. М. Струков и др.), Одессе (П. В. Беккер, Ф. К. Брун, Н. Н. Мурзакевич, Н. И. Надеждин, В. Н. Юргевич и др.) и местный (в Крыму вокруг созданной в 1887 году Таврической ученой архивной комиссии) [53].

Особенное развитие исследование различных аспектов крымоведения получило в столице Новороссийского края – Одессе, где ещё в первые десятилетия XIX века оформился кружок ученых деятелей, увлеченных изучением полуострова. Наличие большого числа просвещенной интеллигенции, определенное влияние на которую оказывали французы-эмигранты, устройство и активное издание здесь сначала на французском, а вскоре и на русском языке, газет и журналов, открытие Ришельевского лицея, вскоре сравненного в правах с университетом, деятельность первых на Юге России научных обществ – все это способствовало развитию

интереса к прошлому края, изучению древностей Северного Причерноморья и неразрывно связанного с ним Крыма. В середине XIX – первые два десятилетия XX века развитие исторического краеведения Крыма в Южной Пальмире было связано с именами П. В. Беккера, Ф. К. Бруна, В. И. Григоровича, Н. П. Кондакова, Ал. И. Маркевича, Ф. И. Успенского, Э. Р. Штерна, В. Н. Юргевича, которые впоследствии прочно вошли в историографические каноны как классики крымоведения.

Изучение статистики, истории и культуры Северного Причерноморья и Крыма в XIX веке неразрывно связано с именем известного европейского ученого из Одессы Ф. К. Бруна (1804–1880). С 5 ноября 1840 года Филипп Карлович – действительный член Одесского общества истории и древностей, а с 14 ноября 1842 года – казначей Общества. Исследователь приобрел в Одессе известность и авторитет скрупулезного знатока края благодаря сотрудничеству в работе Одесского статистического комитета, где ему было поручено вести отчетность о торговле Новороссии и Бессарабии. Таковые сводки ежегодно печатались в краеведческом историко-статистическом сборнике «Новороссийский календарь» и еженедельно в газете «Одесский вестник». В публикациях, основанных на официальных данных, полученных от правительственных учреждений, освещалось состояние экономики края в 40–50-х годах XIX века. Однако со временем Ф. К. Брун стал достаточно критично относиться к данным статистики, считал, что она не отражает реального положения дел. По воспоминаниям современника «он был ученым прежнего типа: глубоко по отношению к себе добросовестный, ничего самому себе прощавший. Знаток статистики <...> он вдруг разочаровался в ней, отказался от ее преподавания и впоследствии в течение всей своей жизни никак не мог простить себе, что он не только сам думал, но и другим говорил, что статистика – наука».

Постепенно определились основные научные интересы ученого: область топографии и исторической географии. Филипп Карлович вспоминал: «Только с находкой одной древней надписи в селе Коротком в 1856 году деятельность моя была направлена на исследование исторической географии Новороссийского края». В 1857–1858 годах в «Новороссийском календаре» были напечатаны материалы краеведа по древней топографии Северного Причерноморья и Крыма. Ученый привел названия всех крымских городов в разные эпохи, которые ему удалось выявить на различных картах и атласах, сохранившихся в Европе и России.

В «Новороссийском календаре на 1868 (високосный) год» была опубликована статья Ф. К. Бруна «Крымский полуостров около половины XVIII столетия», которая вышла затем отдельной книгой. Основу очерка составляет перевод Ф. К. Бруном статьи из «Записок Венской академии наук», где в свою очередь был помещен перевод на немецкий язык впечатлений турецкого чиновника, побывавшего в Крыму, о природе края и этнографии крымских татар. Совместно с известным краеведом Крыма Г. Э. Карауловым Ф. К. Брун отредактировал перевод с немецкого сочинения П. С. Палласа о поездке в Крым, сделанный М. А. Сосногоровой-Славич, который затем появился на страницах «Записок Одесского общества истории и древностей» с комментариями Ф. К. Бруна.

Специальные научные исследования историк посвятил крымским городам. В «Материалах для истории Сугдеи», мастер исторического описания, Ф. К. Брун придал специальному на первый взгляд вопросу широкое историческое значение. С Сурожем у него связываются полузабытые предания о крещении здесь какого-то князя руссов, в котором Ф. К. Брун усматривал Владимира, рассматривается и подтверждается так любимая им тема о сношениях Руси с Азовским морем и Крымом. История господства в Крыму греков, татар, итальянцев насыщена любопытными фактами, заимствованными у средневековых писателей и путешественников. Открытые в Судакке надписи позволили автору нарисовать живыми красками внутренний строй генуэзских колоний. обстоятельное сообщение об итальянских колониях в Крыму ученый поместил в «Записках» С.-Петербургской академии наук. На русском и немецком языке был опубликован и его доклад, прочитанный на заседании Историко-филологического отделения Академии наук 16 апреля 1874 г., касающийся истории готов в Черномории, где раскрыты сюжеты политической истории генуэзских владений, княжества Феодоро, история Готской епархии в Крыму. Истории древней Керчи Ф. К. Брун посвятил статью «О разных названиях Керчи и ее окрестностей в древности и в средних веках». Объяснения различных запутанных сюжетов крымской истории содержит и переписка Ф. К. Бруна с ведущими европейскими и отечественными учеными, которая сохранилась в его личном фонде в Государственном архиве Одесской области [54].

Изучению различных аспектов прошлого Крыма была посвящена научная деятельность «главного работника» Одесского общества истории и древностей (146, с. 368), его секретаря (1875–1883), а затем вицепрезидента (1888–1898) Владислава Норбертовича Юргевича (1818–1898). В многочисленных исследованиях В. Н. Юргевича по истории, эпиграфике, сфрагистике, нумизматике Крыма выделяется несколько приоритетных направлений. На первом этапе его деятельности на юге ученого заинтересовали эпизоды средневековой истории полуострова, связанные с пребыванием здесь итальянцев. По поручению Одесского общества истории и древностей В. Н. Юргевич совершал ежегодные поездки в Крым с целью осмотра состояния, каталогизации и описания памятников. Летом 1861 года в Судакке, Феодосии и Балаклаве историк занимался исследованием сохранившихся генуэзских письменных памятников. Большое число ранее неизвестных генуэзских надписей он открыл в развалинах Судакской крепости в 1863 году. В этом же году он обследовал окрестности Балаклавы и Феодосии и представил Обществу подробное описание остатков древностей и найденных монет.

Вопросом изучения эпиграфических памятников, генуэзских надписей были посвящены первые научные исследования В. Н. Юргевича в Одессе. Безусловно, важной археографической публикацией стал перевод и подготовка им к изданию «Устава для генуэзских колоний в Черном море, изданного в Генуе в 1449 году», к которому В. Н. Юргевич также составил подробные примечания. В 70-х гг. XIX внимание ученого сосредоточилось на Феодосии, Судакке и Керчи. В 1874 г. исследователь совершил научную поездку в Геную для «обозрения» архива Банка Св. Георгия, который был финансовым хозяином в крымских колониях этого торгового города. Совместно с Н. Н. Мурзакевичем В. Н. Юргевич занимался организацией

Феодосийского музея древностей, активно сотрудничал с его директором Степаном Ивановичем Веребрюсовым. Участие в археологических исследованиях в Керчи, Феодосии и Севастополе стали поводом для ряда публикаций, посвященных проблемам классической филологии, классической эпиграфике, анализу источников по средневековой истории полуострова, обзоров состояния археологических исследований Крыма. Было продолжено изучение нумизматики итальянских колоний полуострова. Особый интерес исследователь проявлял к раскопкам в Херсонесе, которые велись в 70-х гг. XIX в. – 1884 гг. одновременно монахами Херсонесского монастыря и Одесским обществом истории древностей. Неоднократно присутствуя на раскопках В. Н. Юргевич пришел к выводу о необходимости передачи всего Херсонеса под контроль Одесского общества истории и древностей. 9 мая 1876 года он писал Н. Н. Мурзакевичу о необходимости принять Херсонес под патронат Общества, «это поможет обогатить наш музей», – заключал он. Возможности «обогащения» музейных коллекций за счет севастопольских раскопок прекрасно понимали и в Санкт-Петербурге и поэтому раскопки впоследствии были переданы императорской Археологической комиссии.

В. Н. Юргевич был единственным специалистом в свое время, кто вплотную занялся анализом печатей византийского Херсона как источником по истории византийских владений. Ученый занимался сфрагистикой, по выражению искусствоведа Дмитрия Власевича Айналова, проявляя «весьма плодотворную и обширную деятельность специалиста ученого в таких областях, где она необходима и весьма желательна». В 80-е – 90-е гг. XIX в. на первый план в его исследованиях выходит классическая эпиграфика. Почти в каждом номере «Записок Одесского общества истории и древностей» им публиковались новые переводы, комментарии, версии исторических сюжетов, связанных с надписями из Херсонеса и Пантикапея. Постоянно посещая раскопки в Крыму, одесский ученый видел то плачевное положение, которое складывалось здесь в связи с отсутствием музея в Херсонесе, плохой организацией охраны находок. Со своими предложениями он обращался в Археологическую комиссию, выступил с открытым письмом в одной из севастопольских газет. Проблемы сохранения архитектурных памятников в Феодосии В. Н. Юргевич постоянно обсуждал с патриотом города И. К. Айвазовским. Совместно с А. Л. Бертье-Делагардом В. Н. Юргевич занимался составлением археологической карты Гераклеяского полуострова. С учетом того, что данное научное исследование нами не выявлено, в том числе и в рукописном виде, особенный интерес представляет сохранившаяся переписка ученых по этому поводу, где они обсуждают отдельные затруднения при составлении карты и комментарии к ней.

К корпусу крымоведческих относится и ряд исторических очерков, составленных В. Н. Юргевичем, а также рецензий и комментариев к работам по истории полуострова, где сказывается безупречное знание источников. Большой информативностью отличаются публикации В. Н. Юргевича, посвященные истории краеведческих исследований в Новороссийском крае и в Крыму. Так, он сделал попытку представить реестр археологических раскопок и открытий, сделанных здесь с конца XVII века до 1839 года. Данная работа не отличается абсолютной

полнотой. Вместе с тем, это было первое специальное исследование, посвященное данной проблеме. Эта же тема, но во всероссийском масштабе, была продолжена им в сообщении для заседания Общества «Об археологии в царствование императрицы Екатерины II». На VI археологическом съезде, проходившем в Одессе, историк предложил вариант специальной программы археологических исследований в крае на ближайшие десятилетия. Занимая ответственные посты в Одесском обществе истории и древностей, В. Н. Юргевич, в силу этого, стал автором обобщающих исследований о деятельности Общества по изучению Новороссии и Крыма. В них указаны лишь выборочные факты деятельности отдельных членов Одесского общества истории и древностей (видимо, сказывался субъективный фактор). Однако эти публикации сыграли значительную роль как первые попытки обзоров истории исторических исследований [55].

Огромный вклад в развитие исторического крымоведения внес крупнейший деятель Одесского общества истории и древностей Николай Никифорович Мурзакевич (1806–1883), характеристике деятельности которого на этом поприще посвящены специальные исследования [56].

Уже к середине XIX века оформляется сначала в Казани, а после перевода Восточного факультета с берегов Волги в столичный университет – в Санкт-Петербурге научное направление по изучению источников по истории средневекового Крыма (И. Н. Березин, В. В. Григорьев, В. Д. Смирнов) [57]. Труды выдающегося российского тюрколога Василия Дмитриевича Смирнова (1846–1922) хорошо известны любому историку средневекового Крыма. Ему мы обязаны комплексными источниковедческими разработками истории средневековой Турции и ее вассала Крымского ханства – крупнейшими крымоведческими работами досоветского периода. В 1870 году В. Д. Смирнов окончил курс обучения в Санкт-Петербургском университете и был оставлен для дальнейшей научной работы на факультете восточных языков. Избрав своей специальностью османский язык, он в 1872 году выдержал экзамен, а в марте 1873-го защитил диссертацию на степень магистра по теме «Кучибей Гёмюрнджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции», которая была опубликована в том же году. В мае 1873 года Советом университета В. Д. Смирнов избран и утвержден в звании штатного доцента по кафедре турецко-татарской словесности. С этого времени и до самой смерти Василий Дмитриевич преподавал в университете османский язык, историю османской литературы и некоторое время историю Турции [58].

В 1887 году В. Д. Смирнов защитил диссертацию на степень доктора «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века». Диссертация была только частью задуманного В. Д. Смирновым масштабного труда по крымскотатарской истории. Она должна была охватить политическую канву Крымского ханства. Во втором разделе труда предполагалось осветить «внутренний быт и жизнь народа, составлявшего господствующее население этого ханства» [59]. В мае 1888 года В. Д. Смирнов получил звание ординарного профессора кафедры турецко-татарской словесности столичного университета, а еще через год увидело свет продолжение его исследования о политической истории Крымского ханства, характеризующее положение дел в XVIII веке. Оно напечатано в Одессе [60]. Тем

самым программа первой части всеобъемлющего труда о крымских татарах была реализована [61]. В. Д. Смирнову удалось обобщить сведения тюркоязычных источников (средневековых османских и крымских «хроник», большая часть которых до сих пор не переведена) и историографии. Труд В. Д. Смирнова до сегодняшнего дня сохраняет не только историографический интерес, но и ценность как исторический источник. Ориенталист широко раскрыл, прежде всего, политическую историю Крымского ханства. Следуя историографическим канонам своего времени, он предложил детальный очерк об истории правления крымских ханов, междоусобной борьбе между ними и распрях в диване. Широкая программа исследования, намеченная автором, привела к тому, что в книгу был включен «запас накопившихся у него сведений о Крыме», не относящихся к заявленному периоду. Таким является раздел о «политическом состоянии Крымского полуострова со времени проникновения в него тюркской народности до образования особого татарского ханства», который занимает 208 страниц. Изложенные в нем сведения производят впечатление отрывочных и случайных. О масштабности задумки изложения крымскотатарской истории свидетельствуют и сохранившиеся рукописные материалы к книге [62]. Ученый прибегал к пространным отступлениям, которые порой отводили внимание читателя от главного сюжета. Говоря, например, об образовании Крымского ханства, автор указал на «неопределенность» в этом вопросе – трудности в четкости изложения в связи с тем, что эта проблема недостаточно описана в источниках. Тут же он привел полное содержание сочинения Менеджим-баши по этой проблеме, вместо того, чтобы ограничиться основными тезисами этого труда или просто ссылками на него. В другом случае, размышляя над именем «Хаджи-Гирей», В. Д. Смирнов поместил тексты известных ему легенд и преданий и отклонился от основного сюжета повествования. Как справедливо отметил востоковед, коллега В. Д. Смирнова по профессорской корпорации Санкт-Петербургского университета Николай Иванович Веселовский, «Смирнов, освещая политическую историю ханства, собрал массу сведений, прямо к делу не относящихся, и не хотел поступиться ими», перегрузив фактическим материалом свою работу [63]. В рецензии, помещенной в другом издании, этот же автор, развивая свою мысль о перенасыщении работы второстепенными фактами, заметил, что «из желания дать по возможности большее количество материала, автор <...> помещает все, что удалось ему добыть; от того в труде его не всегда замечается соразмерность подробностей при изложении событий в ханстве» [64]. Профессор Н. И. Веселовский вместе с тем констатировал, что любая рецензия на монографию В. Д. Смирнова будет «не в состоянии достигнуть <...> желательной полноты: так обширен труд г. Смирнова, такие разнообразные вопросы затрагивает он, что полный критический разбор этого исследования не возможен одному специалисту без проделания той же работы, которую проделал сам автор» [65, с. 168].

Новое широкоформатное исследование сразу же обратило на себя внимание специалистов. Слишком значима была новизна – введение в научный оборот неизвестных восточных материалов. Бывший профессор Харьковского университета, сотрудник Археографической комиссии Министерства народного

просвещения Г. Ф. Карпов в отзыве, направленном В. Д. Смирнову, достаточно резко критиковал его за перенасыщение книги «ненужным» фактическим «мусором», называл его сочинение во многом не историческим, а «филологическим исследованием» [66]. Другие рецензенты, напротив, с восторгом воспринимали наличие в книге В. Д. Смирнова большого фактического материала [67; 68]. Труды Смирнова по истории Крымского ханства не без основания признавались «энциклопедическим сборником по части крымской мусульманской старины» [69, с. 410; 70]. В столь обширном материале не обошлось и без фактических ошибок, наиболее пространный перечень которых привел в своих рецензиях Н. И. Веселовский [71, с. 175–178]. Вместе с тем и современники, и последующие поколения ориенталистов обращаются к трудам В. Д. Смирнова как к главному арбитру для решения научных споров, как к основному справочному пособию по средневековой истории Крыма, уникальному своду исторических источников.

Характерной чертой крымоведческих сочинений В. Д. Смирнова является то, что в них мало внимания уделено истории социально-экономического развития Крымского ханства. Исследователь не касался вопросов развития промыслов, сельского хозяйства, социальных отношений. Лишь изредка упоминал о социально-экономическом аспекте политики отдельных ханов. В то же время он попытался вывести причины военной агрессивности ханства из специфики его экономики. По мнению В. Д. Смирнова, в Крымском ханстве промышленность и торговля были развиты слабо и находились в руках нетатарского населения, а хроническая бедность кочевников-скотоводов вынуждала их искать выход в набегах на соседние земли. И хотя в этих рассуждениях есть доля истины, вряд ли все можно свести только к указанным факторам. Понимая это, историк отошел от существовавшего в первой половине XIX века примитивного объяснения внешней агрессивности Крымского ханства исключительно интересами обогатиться за счет соседей. Он верно полагал, что внешняя политика крымских ханов имела далеко идущую цель – не допустить усиления ни Московии, ни Польши, а как следствие уже – обеспечение безопасности северных границ Крымского ханства и, кроме того, возможность «зачастую безнаказанно грабить лежащие к югу территории» [72, с. 555].

В фундаментальных штудиях В. Д. Смирнова о Крымском ханстве положено начало обсуждению важного и до сих пор дискутируемого вопроса о степени самостоятельности (или зависимости от Порты) политики крымских ханов. Как утверждал автор, внешняя политика Крымского ханства была «отражением оттоманской политики». От Оттоманской Порты зависело, кто будет сидеть на престоле в Бахчисарае [73, с. XXXI]. Влиянию Оттоманской Порты, действовавшей через властвовавшую династию Гиреев и через собственных представителей, сидевших в турецкой Кафе и других крепостях, историк приписывал основные внешнеполитические действия Крымского ханства. Власть крымских ханов оценивалась им как «временное поручение, продолжительность которого зависела от степени благоволения и доверия старшего к своему подручнику» [74, с. 306]. Базируясь большей частью на турецких и крымских источниках и рассматривая в основном внутреннюю историю Крыма, историк, к сожалению, обходил русско-крымские отношения, что считается определенным упущением его труда. Защищая

избирательный источниковый подбор В. Д. Смирнова, Н. И. Веселовский отмечал: «Ориенталист, задумавший разработать историю Крымского ханства, должен, по нашему убеждению, извлечь все, решительно все, что есть существенного по этому отделу в источниках восточных, то есть источниках самых важных, а именно крымских, которых немного, и турецких, которых имеется достаточное количество» [75]. По степени научного подхода к истории Крымского ханства, по справедливому замечанию В. А. Гордлевского, «Смирнов после Хаммера был первый тюрколог, и не только, разумеется, в России, но и на Западе» [76, с. 414].

Значительными были разносторонние наработки крымского научного коллектива историков, который на протяжении многих лет возглавлял председатель Таврической ученой архивной комиссии Арсений Иванович Маркевич (1855–1942) [77]. Итоги краеведческих изысканий в 1887–1920 годах нашли отображение в публикациях 57 номеров «Известий Таврической ученой архивной комиссии» – 10241 страница научного текста, более чем 400 научных докладов, статей и монографий исторического и археологического характера и большое количество документального материала по истории Крыма. В первые годы издания «Известия» представляли собой небольшие по объему журналы, которые выходили нерегулярно. В дальнейшем они превратились в солидное научное издание как по объему, так и по содержанию. Авторами благодаря подвижнической деятельности А. И. Маркевича, становились не только местные краеведы, но и крупные отечественным ученые-крымоведы из академических центров России: Д. В. Айналов, М. Н. Бережков, Н. И. Веселовский, М. В. Довнар-Запольский, Х. И. Кучук-Иоаннесов, В. В. Латышев, Н. И. Репников, М. И. Ростовцев, В. Д. Смирнов, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов и др. На страницах «ИТУАК» впервые увидели свет многочисленные публикации архивных документов. Наиболее интересные из них: «Камеральное описание Крыма», подготовленное в 1784 году по поручению командующего русскими войсками в Крыму И. А. Игельстрема, ордера князя Г. А. Потемкина и графа П. А. Зубова руководителям Таврической области С. С. Жегулину и В. В. Коховскому; дипломатические документы Крымского ханства и др. [78, с. 75–84].

Смена политического строя в государстве не могла не сказаться на изменении как коллектива ведущей крымоведческой группы исследователей, так и тематики изучаемых тем. Старое, опытное, авторитетное и признанное поколение историков, которое олицетворял, прежде всего, Арсений Иванович Маркевич, было отгеснено на второй план, а на первые роли в образованных структурах по изучению и охране культурного наследия (КрымОХРИС), Крымском университете (факультет общественных наук, который несколько раз трансформировался до организации в 1934 году исторического факультета пединститута) и во вновь образованных научных общественных организациях вышли новые персонажи. Многие из них достойно продолжили дело досюветской волны крымоведов. В меру сил и допуска к научным изданиям работали и старые крымоведы. По требованию властей в 1923 году Таврическая ученая архивная комиссия была переименована в Таврическое общество истории, археологии и этнографии (1923–1931), которым продолжил руководить А. И. Маркевич, передавший на последнем этапе существования этой

организации бразды правления Н. Л. Эрнсту. Общество постаралось сохранить лучшие традиции ТУАК. Продолжались активные коммуникации крымских исследователей и представителей академических центров. Свет увидели четыре выпуска «Известий». Однако, содержание и состав авторов, редакторов последнего том «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии» явно демонстрирует изменение приоритетов исследований и усиление идеологической цензуры [79, с. 151–194].

В период качественно нового этапа в развитии историко-краеведческих исследований в СССР развернулась деятельность крупнейшего для 20-х годов XX столетия крымоведческого центра – Российского общества по изучению Крыма (РОПИК, 1922–1932). Инициатива представителей академических научных кругов Москвы и Ленинграда, наряду с предложениями краеведов непосредственно на территории Крымской АССР, была поддержана государственными учреждениями сферы образования, науки, культуры, музейного и курортного строительства, памятникоохранительной работы.

В истории РОПИК выделяется четыре основных этапа. Первый – октябрь 1922 – осень 1925 года – основание и начальный этап деятельности Общества: проведение учредительного собрания РОПИК, формирование руководящих органов, регистрация в органах НКВД и Наркомпроса в Москве, принятие первой редакции устава Общества, становление наиболее крупного Московского отделения организации, начало формирования сети региональных отделений в городах Крымской АССР, основание и начало издания научного журнала «Крым» (1925–1929), издание путеводителя «Крым» (1925 г., Москва). Осень 1925 – сентябрь 1927 года – второй период – время организационных преобразований РОПИК: разработка новой редакции устава организации, проведение первого съезда РОПИК в апреле 1927 г., преобразование организации во всесоюзное Общество по изучению Крыма (ОПИК), перераспределение полномочий между Правлением организации в Симферополе и Правлением Московского отделения РОПИК в пользу местных краеведов. Третий этап – активная деятельность региональных отделений РОПИК в 1926–1928 годах: проведение крымоведческих мероприятий отделениями общества в городах Крыма, оформление исследовательской специфики в работе активистов (исследования истории и археологии, этнографические штудии, приоритет изучения экономического потенциала региона в связи с началом реализации индустриализации), проведение комплексной экспедиции на Керченский полуостров Московским отделением РОПИК летом 1928 г. Заключительный период – 1929 – январь 1932 года – время сворачивания краеведческого движения в СССР, прекращение издания журнала «Крым» (с 1930 г.), снижение активности отделений ОПИК, проведение второго съезда ОПИК в Симферополе в декабре 1929 года, издание «Бюллетеня ОПИК» в Симферополе (1929 г.), самороспуск ОПИК и его вступление в состав Крымского областного бюро краеведения в 1932 г.

Плодотворная работа РОПИК, формирование значительного научного наследия организации стали возможными благодаря синтезу усилий и исследовательских интересов выдающихся представителей академических научных центров Москвы и Ленинграда (А. С. Башкиров (1885–1963), Г. А. Бонч-Осмоловский (1890–1943),

И. Н. Бороздин (1883–1959), Б. Ф. Добрынин (1885–1951), А. А. Крубер (1871–1941), Б. А. Куфтин (1892–1953), Е. Э. Лейтнекер (1888–1954), Ф. Н. Петров (1876–1973), Н. А. Семашко (1874–1949), Н. И. Тезяков (1859–1925) и др.) и инициативы ведущих местных исследователей (Н. С. Барсамов (1892–1976), У. А. Боданинский (1877–1938), К. Э. Гриневич (1891–1971), А. И. Маркевич (1855–1942), Ю. Ю. Марти (1874–1959), А. И. Полканов (1884–1971), С. А. Усов (1870–1927), В. И. Филоненко (1884–1977), П. Я. Чепурина (1880–1947) и др.).

Предметом историко-краеведческих исследований крымоведов стали отдельные вопросы истории, этнографии, археологии, охраны памятников и библиографии Крыма. Тенденции в этнической политике СССР данного периода, в Крыму проявившиеся в кампании «татаризации», способствовали концентрации внимания исследователей на проблемах этнической истории и этнографии крымских татар, что повлекло за собой определенную избирательность членов Общества в выборе тем исследований.

Научное наследие РОПИК представлено тремя типами публикаций (большая часть которых напечатана в журнале «Крым», а также в научных периодических изданиях Москвы, Ленинграда, Симферополя): теоретическими исследованиями по краеведению (формулирование научных принципов и методов изучения прошлого и настоящего народов Крыма (И. Н. Бороздин, Б. А. Куфтин, И. М. Саркизов-Серазини, В. И. Филоненко), разработка периодизации и концепции древнейшей истории региона (Г. А. Бонч-Осмоловский, Б. С. Жуков) определение задач и перспектив археологического и этнографического изучения полуострова (У. А. Боданинский, И. Н. Бороздин, К. Э. Гриневич, С. А. Гамалов); оригинальными прикладными научными исследованиями, выполненными по результатам экспедиционных, полевых, камеральных исследований, в том числе – сводные отчеты о проделанной научной работе для курирующих государственных учреждений (А. С. Башкиров, Г. А. Бонч-Осмоловский, К. Э. Гриневич, Б. Н. Засыпкин, Б. А. Куфтин, Ю. Ю. Марти, Н. Д. Протасов и др.) и классические научные разработки (Б. П. Вологдин, А. И. Маркевич, С. А. Усов, С. Д. Ширяев). Определялась структура собранных материалов, производилось описание этнографических и археологических памятников, других материалов, полученных в результате штудий; популярными очерками, освещавшими отдельные эпизоды истории Крыма, рассказывавшими о наиболее ярких памятниках: античных городищах Херсонес, Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, мусульманских архитектурных сооружениях Крыма (Ю. Ю. Марти, Е. В. Веймарн и др.) или быте мультикультурного населения полуострова (Б. А. Куфтин).

Итогом разносторонних исследований РОПИК стало появление концепций, касавшихся дальнейшего развития изучения Крыма либо формулировавших интерпретации истории Крыма. Две различные программы этнографического изучения Крыма были представлены И. Н. Бороздиным (Москва, 1927 г.) и В. И. Филоненко (Симферополь, 1929 г.). Основным дискуссионным моментом программ стал принцип приоритетов дальнейшего изучения народов Крыма: избирательный характер этого процесса, первичное изучение культуры и быта крымских татар (И. Н. Бороздин) или плюралистический подход к проблеме,

комплексное внимание исследователей ко всем народностям региона (В. И. Филоненко).

Концепция древнейшей истории Крыма – от момента заселения Крыма человеком до начала Великого переселения народов – была сформулирована Г. А. Бонч-Осмоловским в середине 20-х годов XX века и получила поддержку и подтверждение в более поздних историографических работах по проблеме. Вместе с тем, сворачивание краеведческого движения в стране и репрессии против активных членов Общества в 30-х годах XX века не позволили развить и усовершенствовать названные концепции, на некоторое время вывели самих авторов и их научное наследие из активного научного процесса.

Сосредоточение внимания членов РОПИК на комплексном изучении истории, археологии и этнографии Крыма позволило внести ценный вклад в изучение древнейшей истории Крыма по остаткам материальной культуры: обнаружить древнейшие поселения первобытных людей в крымских пещерах и впервые в СССР исследовать ископаемые останки первобытных людей неандертальского антропологического вида (Г. А. Бонч-Осмоловский), значительно обогатить представления об организации каменной индустрии первобытных людей на основе изучения памятников микролитических культур Южного берега Крыма (Б. С. Жуков); расширить знания об античных и средневековых памятниках и культуре в целом: полевыми археологическими исследованиями памятников Бахчисарая, Евпатории, Керченского полуострова, Севастополя, Старого Крыма, Судака, Феодосии, других регионов Крыма, была установлена периодизация их развития, причины создания, выявлены особенности создания этих памятников, прослежена их связь с культурами синхронного характера, названы заимствования и оригинальные черты (А. С. Башкиров, И. Н. Бороздин, К. Э. Гриневиц, Б. Н. Засыпкин, Ю. Ю. Марти, Н. Д. Протасов); в вопросы этнической истории Крыма (А. С. Башкиров, И. Н. Бороздин), в изучение проблемы истории миграции и колонизации Крыма в имперский период: были исследованы и критически проанализированы сюжеты проблемы численности населения Крыма до присоединения региона к Российской империи, прослежена динамика миграционных процессов с конца XVIII до начала XX в., объяснены их причины и закономерности, сформулированы основные их итоги и последствия для развития Крыма (Б. П. Вологдин, А. И. Маркевич, О. С.-А. Озенбашлы, С. А. Усов, С. Д. Ширяев); в штудии по развитию культуры и быта народов региона (У. А. Боданинский, Х. Каралезли, И. М. Саркизов-Серазини) [80].

Послевоенная крымская историография коренным образом отличалась от наработок коллег предыдущих эпох. Депортация с полуострова крымских армян, крымских греков, немцев, крымских татар вынуждала историков замалчивать отдельные периоды или фрагменты истории, по-другому трактовать уже известные факты. Так, в 1951 году увидел свет первый том научно-популярных «Очерков по истории Крыма» [81] Павла Наумовича Надинского (1894–1961), историка-крымоведа, типичного представителя советской партийной номенклатуры. Работа стала первой послевоенной версией истории полуострова, всецело отображающая официально принятые концепции хода исторического процесса в Крыму. Труд был

подготовлен автором по решению (май 1950 г.) Президиума Крымского филиала АН СССР [82, л. 2]. Работа охватывала события на полуострове вплоть до революционных событий 1917 года. Выполняя «государственный заказ» по идеологическому обоснованию депортации отдельных народов и организации заселения полуострова выходцами из центральных областей РСФСР, автор пытался убедить читателя в переоценке роли крымскотатарского населения в социально-экономическом и культурном развитии региона. Нещадной критике была подвержена теория «о крымских готах», не имевшая права на существование после окончания Второй мировой войны. Важнейшей основополагающей идеей издания стал тезис об «историческом праве русского народа на Крым как на свою исконную землю». Тавро-скифские племена внезапно оказались не только историческими предшественниками восточных славян, но и одними из их предков. Подобные построения обосновывались в рамках востребованных тогда суждений Н. Я. Марра. Содержание книги было настолько одиозным, что даже в ту эпоху, когда необдуманно сказанное слово могло стоить не только карьеры, но и жизни ученому, ее раскритиковали.

23–25 мая 1952 года в Симферополе состоялась объединенная научная сессия Отделения истории и философии АН СССР и Крымского филиала АН СССР, посвященная проблемам истории полуострова. Формальным поводом для созыва стало обсуждение концепции только что вышедшего первого тома «Очерков по истории Крыма» П. Н. Надинского. Сессия проходила под общим руководством первого секретаря Крымского областного комитета ВКП(б) П. И. Титова. Участие в работе приняли авторитетные исследователи, среди которых В. И. Абаев, В. Д. Блаватский, Б. Д. Греков, Е. Н. Павловский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов, С. Ф. Стржелецкий, П. Н. Шульц, А. Л. Якобсон и др. [83, с. 10]. Одним из докладчиков тогда был и молодой преподаватель Крымского пединститута, фронтовик Сергей Анатольевич Секиринский (1914–1990).

Главной задачей авторитетного собрания была заявлена выработка новой парадигмы в освещении истории и археологии Крыма после развенчания основных постулатов «учения Н. Я. Марра», в связи с чем утратил свою актуальность ряд основополагающих построений и концепций в отечественной исторической науке. Официально принятая партийным руководством автохтонная теория происхождения восточных славян от скифов, провозглашающая историю Крыма неотъемлемым звеном русской истории, обоснованная в рамках лингвистической яфетической теории академика Н. Я. Марра, теперь требовала коренного пересмотра. При этом незыблемым должен был оставаться тезис о том, что Крым является исконно славянской (русской) территорией. Массовое заселение опустошенных после депортации крымских сел и городов выходцами из России в послевоенный период требовало от советской идеологии обоснования славянских корней древнего населения Крыма. Это позволило бы увидеть в миграционных процессах, санкционированных государством, «победу исторической справедливости».

Историк М. Ю. Браичевский, присутствовавший на сессии в качестве наблюдателя от Института археологии АН УССР, вспоминал: «Обстановка на

сессии была очень напряженной, а порой перерастала в истерическую» [84, с. 178]. Докладчики переходили от одной крайности к другой. Полные тексты двух докладов Б. А. Рыбакова в дальнейшем не были опубликованы (изданы лишь краткие тезисы [85]). В них «Черное море, названное «русским», выступило внутренним озером Руси. Славянскими территориями были аттестованы не только Крым и Тамань, но и Кавказ, Малая Азия, Балканский полуостров. У докладчика выходило, что главной ошибкой являлась не переоценка исторической роли славянства на юго-востоке Европы, а ее недооценка. Изложенные концепции превзошли все существовавшие к тому времени заявления» [86, с. 178]. П. Н. Надинский логически верно предположил, что «у некоторых товарищей может возникнуть вопрос: «Почему раньше не находили славянских древностей?» И тут же сам предложил на него оригинальный ответ: «Да потому, что славян в Крыму никто не искал, априорно считая, что здесь их и быть не могло!» [87, л. 141].

На сессии была признана неверной активно пропагандировавшаяся до того рядом археологов и историков концепция происхождения славян от скифов. Автохтонная теория была полностью отвергнута. Вставший на повестку дня поиск доказательств обитания в Таврике древнего славянского населения заставил отказаться от тавро-скифского автономизма и предложить иные подходы. В результате археологи попали в сложное положение. Отвергалась версия о скифах-славянах. Но тогда необходимо было обнаружить в Крыму славян, пусть не коренных, пусть пришлых. Для обоснования идеи колонизации славянами Крыма стала использоваться миграционная теория.

Со славянским вопросом теснейшим образом переплелась явно надуманная проблема переоценки роли античных, генуэзских колоний и Византии в истории Крыма. Если предположить, что славянские племена были древнейшими коренными жителями полуострова, как это следовало из докладов участников сессии, то именно они должны были играть ведущую роль на протяжении всей истории полуострова. О какой-либо значительной, а тем более прогрессивной роли Византии и генуэзских колоний не могло быть и речи [88, с. 13]. Настало время «разоблачения антинаучных, фальсификаторских теорий буржуазных ученых, извращающих роль Византии в истории Крыма, и дать правильное освещение этого вопроса с позиций марксизма-ленинизма и, прежде всего, вскрыть глубоко отрицательную роль византийской агрессии в Крыму, тормозившей поступательное развитие производительных сил Крымского полуострова» [89, л. 207].

Большое влияние на формирование исторических построений оказала так называемая теория о «крымских готах», споры вокруг которой с новой силой возродились после окончания Второй мировой войны. Научный сотрудник Крымского филиала АН СССР антрополог К. Ф. Соколова сожалела, что эта «теория продолжает иметь место и в настоящее время» [90, л. 44], а также напомнила участникам сессии, что «укоренившиеся мнения, унаследованные от буржуазных историков и археологов, мешают углубленному научному исследованию истории Крыма и направляют историков по ложному пути» [91, л. 47].

Острая дискуссия развернулась вокруг терминологических вопросов, в частности, какому слову отдать предпочтение: «присоединение» Крыма к России

или «воссоединение»? А. И. Неделин задал логичный вопрос: «Что же в конце концов: Крым присоединен, захвачен русскими или же произошло воссоединение древних русских земель с Россией?» [92, л. 313]. Б. Д. Греков после шумных дебатов за закрытыми дверями заявил: «Мы после некоторого обсуждения этого вопроса в своем коллективе пришли к заключению, что наиболее правильным в данном случае будет термин «включение» [93, л. 320]. Подобное заявление было встречено смехом в аудитории.

Главные положения докладов составили основу «Решений» сессии, изданных тиражом три тысячи экземпляров и раздававшихся по отдельным спискам. Надежды на то, что Сессия при обсуждении книги П. Н. Надинского расставит все по своим местам, внесет в обговариваемую проблематику нужные коррективы и разъяснения для преодоления несостоятельных теорий не оправдались. Вопреки полному отсутствию аргументированной доказательной базы представленных псевдоконцепций, работа П. Н. Надинского была, несмотря на ряд замечаний, названа «примерной книгой, которая правильно отражает вопросы истории Крыма» [94, л. 224]. Одним из решений сессии стала рекомендация Крымскому филиалу АН СССР совместно с Институтом истории и Институтом истории материальной культуры АН СССР подготовить с учетом критических замечаний и рецензий второе издание «Очерков по истории Крыма» [95, л. 340]. Показателем признания труда в историографии стало решение Ученого совета Института истории АН СССР о присвоении П. Н. Надинскому степени кандидата исторических наук за это исследование без защиты диссертации [96, л. 3].

Работа П. Н. Надинского вызвала неоднозначную реакцию в научной среде. В рецензии на книгу Е. В. Веймарн отметил: «Мне кажется, что наши знания хода исторического процесса в Северном Причерноморье не дают еще права говорить о Крыме, как о славянской земле» [97, л. 3]. С антинаучной трактовкой этногенеза славян не был согласен и Б. Д. Греков. В письме автору он подчеркнул: «Хочу еще раз напомнить, что кроме славян в Крыму были и другие народности. Учтите это, иначе будет материал для справедливой критики» [98, л. 1].

Рукопись второй части очерков была готова в 1954 году, началась подготовка к ее изданию. Но решения XX съезда КПСС вынудили автора внести в текст серьезные изменения, корректируя его в связи с изменившимися политическими реалиями. Второй том «Очерков», посвященный событиям «революционного лихолетья» в Крыму, увидел свет в начале 1957 года [99]. Над продолжением издания работали сотрудники Института истории АН СССР. Два заключительных тома [100] были изданы уже после смерти Надинского под общей редакцией кандидата исторических наук, бывшего партийного работника, а впоследствии проректора по науке Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе, создавшего и возглавившего там кафедру истории УССР, Ивана Сергеевича Чирвы (1918–1982). Четырехтомные «Очерки по истории Крыма» на десятилетия стали хрестоматийным изданием по истории края. Краеведческие исследования в 60–80-е годы не шли далее подготовки путеводителей и изучения революционного движения.

Список использованных источников и литературы

1. Михайлов В. В. «Ученый-историк» А. В. Ишин и его «вклад» в российское крымоведение // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: «Гуманитарные и социальные науки».– 2016.– № 5.– С. 134–138.– Рец. на кн.: Ишин А. В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах.– Симферополь, 2012.– 384 с.
- Mihajlov V. V. «Uchenyj-istorik» A. V. Ishin i ego «vklad» v rossijskoe krymovedenie // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: «Gumanitarnye i social'nye nauki».– 2016.– № 5.– S. 134–138.– Rec. na kn.: Ishin A. V. Problemy gosudarstvennogo stroitel'stva v Krymu v 1917–1922 godah.– Simferopol, 2012.– 384 s.
2. Непомнящий А. А. Вульгарная историография крымоведения // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки».– 2014.– Т. 27(66), № 1.– С. 79–86.– Рец. на кн.: Пашеня В. Н. Историография крымоведения.– Симферополь: ДИАЙПИ, 2013.– 368 с.
- Nepomnyashchy A. A. Vul'garnaja istoriografija krymovedenija // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki».– 2014.– Т. 27(66), № 1.– S. 79–86.– Rec. na kn.: Pashhenja V. N. Istoriografija krymovedenija.– Simferopol: DIAJPI, 2013.– 368 s.
3. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. Т. 2: TAURICA ORIENTALIA.– Симферополь, 2008.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 12).– С. 9–64.
- Nepomnyashchy A. A. Podvizhniki krymovedeniya. T. 2: TAURICA ORIENTALIA.– Simferopol, 2008.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; Вып. 12).– S. 9–64.
4. Выписка из путешественных записок Василия Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Месяцеслов исторический и географический на 1783 год / Академии наук.– СПб., [Б. г.].– С. 122–169; То же // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы / имп. Академия наук.– СПб., 1790.– Ч. 5.– С. 265–303; Zujef. Nachrichten von der Krim // Neue Nordische Beyträge.– St.-Petersbourg; Leipzig, 1783.– Bd. 4.– P. 249–270; То же // Neues St.-Petersburgisches Journal, vom Jahre 1783.– St.-Ptb., 1783.– Bd. Ersten.– P. 1–29; Zouyef. Réflexion sur le Territoire Taurique and ses environs // Nova Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae, 1785.– St.-Ptb., 1788.– Т. 3, отд. «Historia».– P. 76–80; Pallas P. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794: In 2 bd.– Leipzig, 1803.– Bd. 1.– XVI, 463 p.; Bd. 2.– IV, 460 p. См. русский перевод: [Паллас П. С.] Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах / Пер. с нем. М. С[лавич]; Под ред. Ф. К. Бруна, Г. Э. Караулова // Записки Одесского общества истории и древностей.– 1881.– Т. 12.– С. 62–208; Паллас П. С. Поездки во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань / Пер. с нем. М. С[лавич]; Прим. Г. Э. Караулова // Записки Одесского общества истории и древностей.– 1883.– Т. 13, отд.1.– С. 35–107; Pallas P. S. Tableau physique et topographique de la Tavrïde // Nova acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae, 1792.– Petropoli, 1797.– Т. 10, отд. «Physica».– P. 257–320; Premier rapport de mr. Pallas, 1795 // Nova Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae, 1895–1896.– Petropoli, 1802.– Т. 13, отд. «Histoire».– P. 42–45 Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 годах / Сост. Н. К. Ткачева; Отв. ред. Б. В. Левшин.– М.: Наука, 1999.– 248 с.– (Серия: «Научное наследство»; Т. 27).
- Vypiska iz puteshestvennykh zapisok Vasil'ya Zueva, kasayushchikhsya do poluoostrova Kryma. 1782 goda // Mesyatseslov istoricheskii i geograficheskii na 1783 god / Akademii nauk.– SPb., [B. g.].– S. 122–169; To zhe // Sobranie sochinenii, vybrannykh iz Mesyatseslovov na raznye gody / imp. Akademiya nauk.– SPb., 1790.– Ch. 5.– S. 265–303; Zujef. Nachrichten von der Krim // Neue Nordische Beyträge.– St.-Petersbourg; Leipzig, 1783.– Bd. 4.– P. 249–270; To zhe // Neues St.-Petersburgisches Journal, vom Jahre 1783.– St.-Ptb., 1783.– Bd. Ersten.– P. 1–29; Zouyef. Réflexion sur le Territoire Taurique and ses environs // Nova Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae, 1785.– St.-Ptb., 1788.– Т. 3, отд. «Historia».– P. 76–80; Pallas P. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794: In 2 bd.– Leipzig, 1803.– Bd. 1.– XVI, 463 p.; Bd. 2.– IV, 460 p. См. russkii perevod: [Pallas P. S.] Puteshestvie po Krymu akademika Pallasa v 1793 i 1794 godakh / Per. s nem. M. S[lavich]; Pod red. F. K. Bruna, G. E. Karaulova // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.– 1881.– Т. 12.– С. 62–208; Pallas P. S. Poezdki vo vnutrennost' Kryma, vdol' Kerchenskogo poluoostrova i na ostrov Taman' / Per. s nem. M. S[lavich]; Prim. G. E. Karaulova // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.– 1883.– Т. 13, отд.1.– С. 35–107; Pallas P. S. Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya

- po yuzhnym namestnichestvam russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh / Sost. N. K. Tkacheva; Otv. red. B. V. Levshin.– М.: Nauka, 1999.– 248 s.– (Seriya: «Nauchnoe nasledstvo»; Т. 27).
5. Вернадский В. И. Труды по истории науки в России.– М.: Наука, 1988.– 468 с.
Vernadskii V. I. Trudy po istorii nauki v Rossii.– М.: Nauka, 1988.– 468 s.
6. Pallas P. Travels through the southern provinces of the Russian Empire in the years 1793 and 1794 / Transl. from the germane: in 2 vol.– London, 1803.– Vol. 2.– P. 215–217; Second voyage de Pallas ou voyages entrepris dans, les gouvernemens méridionaux de l'Empire de Russie, pendant les années 1793 et 1794 / Trad. de l'allemand par de la Boulaye et Tonnelier: In 4 vol.– Paris, 1811.– Vol. 3.– P. 118.
7. Voyage en Crimée // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. Ser. 5.– St.-Ptb., 1826.– Т. 10, отд. «Histoire».– S. 47–48.
8. СПФАРАН, ф. 1, оп. 1А, д. 32, л. 17.
SPFARAN, f. 1, op. 1A, d. 32, l. 17.
9. Köhler H. Mémoire sur les îles et la Course consacrées à Achille dans le Pont–Euxin // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg.– St.-Ptb., 1826.– Т. 10.– S. 531–819; Koehler H. [О керченских древностях] // Recueil des Actes de la seance publique Académie Impériale des Sciences. 29. XII. 1828.– St.-Ptb., 1829.– P. 41.
10. АГЭ, ф. 11, оп. 1, д. 16, л. 1; д. 26, л. 1–2; д. 111, л. 1–732; д. 112, л. 1–267; д. 120, л. 1–12; д. 127, л. 1–31.
AGE, f. 11, op. 1, d. 16, l. 1; d. 26, l. 1–2; d. 111, l. 1–732; d. 112, l. 1–267; d. 120, l. 1–12; d. 127, l. 1–31.
11. О средствах к сохранению достопамятностей Тавриды // Журнал Департамента народного просвещения.– 1822.– Ч. 6.– С. 249–261.
O sredstvakh k sokhraneniyu dostopamyatnoei Tavridy // Zhurnal Departamenta narodnogo prosveshcheniya.– 1822.– Ch. 6.– S. 249–261.
12. СПФАРАН, ф. 1, оп. 1А, д. 33, л. 86–87, 89–90.
SPFARAN, f. 1, op. 1A, d. 33, l. 86–87, 89–90.
13. О средствах к сохранению достопамятностей Тавриды... – С. 249–261.
O sredstvakh k sokhraneniyu dostopamyatnoei Tavridy... – S. 249–261.
14. Летопись Российской академии наук / Отв. ред. М. Ф. Хартанович.– СПб.: Наука, 2002.– Т. 2.– С. 172.
Letopis' Rossiiskoi akademii nauk / Otv. red. M. F. Khartanovich.– SPb.: Nauka, 2002.– Т. 2.– S. 172.
15. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века).– Симферополь: Доля, 2001.– С. 276–277, 689–693.
Nepomnyashchy A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (konets XVIII – nachalo XX veka).– Simferopol: Dolya, 2001.– S. 276–277, 689–693.
16. Вигасин А. А. Предисловие // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II.– М.: Восточная лит-ра, 1995.– С. 3–7.
Vigasin A. A. Predislovie // Puteshestviya po Vostoku v epokhu Ekateriny II.– М.: Vostochnaya lit-ra, 1995.– S. 3–7.
17. Обстоятельный обзор историографии «литературы путешествий» см.: Громенко С. Stepy, morze i góry: polskie puteshestvenniki konca XVIII – nachala XX veka o Kryme / Pod red., vstup. st. A. A. Nepomnyashchego.– Симферополь: Антиква, 2011.– 304 с.– (Серия: «Библиография крымоведения»; Вып. 14).
Obstoyatel'nyi obzor istoriografii «literatury puteshestvii» sm.: Gromenko S. Stepy, morze i góry: polskie puteshestvenniki kontsa XVIII – nachala XX veka o Kryme / Pod red., vstup. st. A. A. Nepomnyashchego.– Simferopol: Antikva, 2011.– 304 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; Vyp. 14).
18. Геннади Г. Н. Список сочинений о Крыме // Записки Одесского общества истории и древностей.– 1867.– Т. 6.– С. 623–644.
Gennadi G. N. Spisok sochinenii o Kryme // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.– 1867.– Т. 6.– S. 623–644.
19. Броневский В. Б. Обозрение Южного берега Тавриды в 1915 году.– Тула, 1822.– 192 с.; Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году.– СПб., 1823.– IX, 337 с.; Свинын П. П. Картины России и быт разноплеменных ея народов: из путешествий П. П. Свинына.– СПб., 1839.– 390 с.

Bronevskii V. V. Obozrenie Yuzhnogo berega Tavridy. V 1915 godu.– Tula, 1822.– 192 s.; Murav'ev-Apostol I. M. Puteshestvie po Tavride v 1820 gode.– SPb., 1823.– IX, 337 s.; Svin'in P. P. Kartiny Rossii i byt raznoplemennykh eya narodov: iz puteshestvii P. P. Svin'ina.– SPb., 1839.– 390 s.

20. Пассек В. В. Очерки России: в 4-х кн.– М., 1838–1840.

Passek V. V. Ocherki Rossii: v 4-kh kn.– M., 1838–1840.

21. Непомнящий А. А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение.– Белгород: Константа, 2018.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 27).– С. 121–123.

22. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века).– Киев, 1999.– 212 с.

Nepomnyashchy A. A. Zapiski puteshestvennikov i putevoditeli v razvitii istoricheskogo kraevedeniya Kryma (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX veka).– Kiev, 1999.– 212 s.

23. Альперович М. С. Франсиско де Миранда в России.– М.: Наука, 1986; Миранда Франсиско, де. Путешествие по Российской Империи / пер. с исп. М. С. Альперович [и др.]– М.: Наука; Интерпериодика, 2001; Segur le Comte P., de. Oevres completes de M. le Comte de Segur: Mémoires ou souvenirs et anecdotes: 3 vol.– Paris, 1826.– Vol. 3; Les lettres de Catherine II au prince de Ligne (1780-1796): publiées avec quelques notes par la princesse Charles de Ligne. Bruxelles: G. van Oest, 1924; [Ligne de]. Œuvres choisies littéraires historiques et militaires du maréchal Prince de Ligne avec une notice sur sa vie: in 2 vol.– Genève, 1807. 2 vol.

Al'perovich M. S. Fransisko de Miranda v Rossii.– M.: Nauka, 1986; Miranda Fransisko, de. Puteshestvie po Rossiiskoi Imperii / per. s isp. M. S. Al'perovich [i dr.]– M.: Nauka; Interperiodika, 2001; Segur le Comte P., de. Oevres completes de M. le Comte de Segur: Mémoires ou souvenirs et anecdotes: 3 vol.– Paris, 1826.– Vol. 3; Les lettres de Catherine II au prince de Ligne (1780-1796): publiées avec quelques notes par la princesse Charles de Ligne. Bruxelles: G. van Oest, 1924; [Ligne de]. Œuvres choisies littéraires historiques et militaires du maréchal Prince de Ligne avec une notice sur sa vie: in 2 vol.– Genève, 1807. 2 vol.

24. Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire, pendant l'année 1803.– Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806.

25. Du Bois de Montpéreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée: avec un atlas géographique, pittoresque, archéologique, géologique, etc. Vol. 5, 6.– Paris, Librairie de Gide, 1843.

26. Koch K. Die Krim und Odessa : reise Erinnerungen aus dem Tagebuche des Professor Dr. Karl Koch.– Leipzig: Lorck, 1854.

27. Nepomnyashchy A. A., Kravchuk A. S. On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century // Былые годы: российский исторический журнал.– 2018.– Vol. 47. Is. 1.– С. 97–106.

Nepomnyashchy A. A., Kravchuk A. S. On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century // Bylye gody: rossiiskii istoricheskii zhurnal.– 2018.– Vol. 47. Is. 1.– С. 97–106.

28. [Castres le comte, de]. Relation d'un voyage sur le bord septentrional de la mer d'Azof et en Crimée, dans la vue d'y établir une colonie d'émigrés; par le comte de Castres, lieutenant du gendre, actuellement Marechal-de-Camp d'état-major, l'un des commissaires envoys à cet effet par S.A.S. le prince de Conde.– Paris: A. J. Kilian, 1826; Jones G.M. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey; also on the coasts of the sea of Azof and of the Black sea: With a review of the trade in those seas, and of the systems adopted to man the fleets of the different powers of Europe, compared with that of England: [in 2 vol.]– London: J. Murray, 1827. Vol. 2; Alexander J.E. Travels to the seat of war in the east, through Russia and the Crimea in 1829 with sketches of the imperial fleet and army, personal adventures and characteristic anecdotes: in 2 vol.– London, 1830. Vol. 1; Александер Дж. Э. Россия глазами иностранца / пер. с англ. А. Базилевича. М.: Аграф, 2008.

[Castres le comte, de]. Relation d'un voyage sur le bord septentrional de la mer d'Azof et en Crimée, dans la vue d'y établir une colonie d'émigrés; par le comte de Castres, lieutenant du gendre, actuellement Marechal-de-Camp d'état-major, l'un des commissaires envoys à cet effet par S.A.S. le prince de Conde.– Paris: A. J. Kilian, 1826; Jones G.M. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey; also on the coasts of the sea of Azof and of the Black sea: With a review of the trade in those seas, and of the systems adopted to man the fleets of the different powers of Europe, compared with that of England: [in 2 vol.]– London: J. Murray, 1827. Vol. 2; Alexander J.E. Travels to the seat of war in the east, through Russia and the Crimea in

1829 with sketches of the imperial fleet and army, personal adventures and characteristic anecdotes: in 2 vol.– London, 1830. Vol. 1; Aleksander Dzh. E. Rossiya glazami inostrantsa / per. s angl. A. Bazilevicha. M.: Agraf, 2008.

29. Henderson E. Biblical researches and travels in Russia, including a tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus: with observations on the state of the rabbinical and karaite Jews, and the mohammedan and pagan tribes, inhabiting the southern provinces of the Russian empire: with maps and plates by E. Henderson. London: Publ. by J. Nisbet, 1826.

30. Прохорова Т. А. К вопросу об изучении крымских древностей путешественниками первой половины XIX века: экспедиция капитана У. Джесса (1839–1840 гг.) // Причерноморье: история, политика, культура: серия А: Античность и средневековье / Филиал МГУ в г. Севастополе. Севастополь, 2013. Вып. 11(4). С. 14–22; Прохорова Т. А. «Другой Крым»: ретрансляция исторических мифов о России в американской литературе о путешествиях по Крыму в XIX веке // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2015. Т. 1(67), № 3. С. 32–47; Прохорова Т. А. Межэтнические коммуникации в Крыму в первой половине 19 века глазами английского путешественника Э. Спенсера // Проблемы толерантности и современность. Череповец, 2015. С. 81–83; Прохорова Т. А. Древности Крыма в записках дипломата Ж. Рейни: о нумизматической коллекции путешественника // Причерноморье: история, политика, культура. Серия А: Античность и средневековье / Филиал МГУ в г. Севастополе. Севастополь, 2015. Т. 16. С. 75–82.

Prokhorova T. A. K voprosu ob izuchenii krymskikh drevnostei puteshestvennikami pervoi poloviny XIX veka: ekspeditsiya kapitana U. Dzhesa (1839–1840 gg.) // Prichernomor'e: istoriya, politika, kul'tura: seriya A: Antichnost' i srednevekov'e / Filial MGU v g. Sevastopole. Sevastopol', 2013. Vyp. 11(4). S. 14–22; Prokhorova T. A. «Drugoi Krym»: retranslyatsiya istoricheskikh mifov o Rossii v amerikanskoj literature o puteshestviyakh po Krymu v XIX veke // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki». 2015. T. 1(67), № 3. S. 32–47; Prokhorova T. A. Mezhetnicheskie kommunikatsii v Krymu v pervoi polovine 19 veka glazami angliiskogo puteshestvennika E. Spensera // Problemy tolerantnosti i sovremennost'. Cherepovets, 2015. S. 81–83; Prokhorova T. A. Drevnosti Kryma v zapiskakh diplomata Zh. Reii: o numizmaticheskoi kollekcii puteshestvennika // Prichernomor'e: istoriya, politika, kul'tura. Seriya A: Antichnost' i srednevekov'e / Filial MGU v g. Sevastopole. Sevastopol', 2015. T. 16. S. 75–82.

31. Непомнящий А. А., Кравчук А. С. Высшие чиновники Таврической губернии в восприятии иностранных путешественников первой половины XIX века // Новый исторический вестник.– 2018.– № 3(57).– С. 18–41.

Непомняшчы А. А., Кравчук А. С. Vysshie chinovniki Tavricheskoi gubernii v vospriyatii inostrannykh puteshestvennikov pervoi poloviny XIX veka // Novyi istoricheskii vestnik.– 2018.– № 3(57).– С. 18–41.

32. РНБ ОР, ф. 347, оп. 1, д. 50, л. 1.

RNB OR, f. 347, op. 1, d. 50, l. 1.

33. Непомнящий А. А. Из истории изучения Крыма в Петербурге в XIX веке // Невский архив: истор.-краев. сб.– СПб.: Лики России, 2001.– Вып. 5.– С. 186–212.

Непомняшчы А. А. Iz istorii izucheniya Kryma v Peterburge v XIX veke // Nevskii arkhiv: istor.-kraev. sb.– SPb.: Liki Rossii, 2001.– Vyp. 5.– S. 186–212.

34. СПФАРАН, ф. 30, оп. 3, д. 264–281; РНБ ОР, ф. 347, оп. 1, д. 1, л. 1.

SPFARAN, f. 30, op. 3, d. 264–281; RNB OR, f. 347, op. 1, d. 1, l. 1.

35. РГИА, ф. 733, оп. 12, д. 490, л. 23 об.–24.

RGIA, f. 733, op. 12, d. 490, l. 23 ob.–24.

36. Непомнящий А. А. Начальный этап каталогизации крымских древностей: первые достижения и неудачи // Пространство и время.– 2015.– № 3.– С. 213–228.

Непомняшчы А. А. Nachal'nyi etap katalogizatsii krymskikh drevnostei: pervye dostizheniya i neudachi // Prostranstvo i vremya.– 2015.– № 3.– S. 213–228.

37. Кёппен Ф. П. Биография П. И. Кёппена...– С. 158.

Керпен Ф. П. Biografiya P. I. Kerpena...– S. 158.

38. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения: в 2-х т.– Симферополь, 2006.– Т. 1.– С. 14–38.

Непомняшчы А. А. Podvizhniki krymovedeniya: v 2-kh t.– Simferopol', 2006.– T. 1.– S. 14–38.

39. Шарапа В. Ф., Непомнящий А. А. Таврический губернатор А. И. Казначеев // Культура народов Причерноморья.– 1997.– № 2.– С. 226–229.
 Sharapa V. F., Nepomnyashchy A. A. Tavricheskii gubernator A. I. Kaznacheev // Kul'tura narodov Prichernomor'ya.– 1997.– № 2.– S. 226–229.
40. Маркевич А. И. К биографии академика П. И. Кёппена // ИТУАК.– 1914.– № 51.– С. 223–240.
 Markevich A. I. K biografii akademika P. I. Keppena // ITUAK.– 1914.– № 51.– S. 223–240.
41. Военно-топографическая карта полуострова Крыма / сост. Мухин.– СПб., 1817.
 Voennno-topograficheskaya karta poluostrova Kryma / sost. Mukhin.– SPb., 1817.
42. Кёппен П. И. Указатель к карте Южного берега Крыма, принадлежащей к Крымскому сборнику.– СПб., 1836.– 70 с.
 Keppen P. I. Ukazatel' k karte Yuzhnogo berega Kryma, prinadlezhashchei k Krymskomu sborniku.– SPb., 1836.– 70 s.
43. А. Т. О новой карте Крыма // Одесский вестник.– 1837.– 24 марта.
 A. T. O novoi karte Kryma // Odesskii vestnik.– 1837.– 24 marta.
44. Кёппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических.– СПб., 1837.– 12, 409 с.– Назв. обл.: Крымский сборник.
 Keppen P. I. O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh.– SPb., 1837.– 12, 409 s.– Nazv. obl.: Krymskii sbornik.
45. См. переиздание книги П. И. Кёппена и «принадлежащей» к ней «Карты Южного Крыма» и «Указателя» к карте // Историческое наследие Крыма.– 2003.– № 1.– Прил.; № 2.– Прил.; 2004.– № 3/4.– С. 143–196.
 Sm. pereizdanie knigi P. I. Keppena i «prinadlezhashchei» k nei «Karty Yuzhnogo Kryma» i «Ukazatelya» k karte // Istoricheskoe nasledie Kryma.– 2003.– № 1.– Pril.; № 2.– Pril.; 2004.– № 3/4.– S. 143–196.
46. Непомнящий А. А. Крымоведческое наследие П. И. Кёппена: опыт биобиблиографической характеристики // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.– 2000.– № 13(52), т. 1.– С. 97–106.
 Nepomnyashchy A. A. Krymovedcheskoe nasledie P. I. Keppena: opyt biobibliograficheskoi kharakteristiki // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo unversiteta im. V. I. Vernadskogo.– 2000.– № 13(52), t. 1.– S. 97–106.
47. Коркунов М. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения.– 1837.– № 4, отд. 4.– С. 126–140.– Рец. на кн.: Кёппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических.– СПб., 1837.– 12, 409 с.– Назв. обл.: Крымский сборник; Schott. Über Köppen's Altertümer der Südlichen Krym // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland.– Berlin, 1842.– Bd. 2.– S. 105–117. – Рец. на кн.: Кёппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических.– СПб., 1837.– 12, 409 с.
 Korkunov M. [Retsenziya] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.– 1837.– № 4, otd. 4.– S. 126–140.– Rets. na kn.: Keppen P. I. O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh.– SPb., 1837.– 12, 409 s.– Nazv. obl.: Krymskii sbornik; Schott. Über Köppen's Altertümer der Südlichen Krym // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland.– Berlin, 1842.– Bd. 2.– S. 105–117. – Rets. na kn.: Keppen P. I. O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh.– SPb., 1837.– 12, 409 s.
48. Мурзакевич Н. Н. Петр Иванович Кёппен // Записки Одесского общества истории и древностей.– 1867.– Т. 6.– С. 490–492.
 Murzakevich N. N. Petr Ivanovich Keppen // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.– 1867.– T. 6.– S. 490–492.
49. Кёне Б. В. Исследование об истории и древностях города Херсонеса Таврического.– СПб., 1848.– С. 1.
 Kene B. V. Issledovanie ob istorii i drevnostyakh goroda Khersonesa Tavricheskogo.– SPb., 1848.– S. 1.
50. Маркевич А. И. К биографии академика П. И. Кёппена...– С. 232. См. также: Чествование памяти П. И. Кёппена // Крымский вестник.– 1893.– 23 февр.
 Markevich A. I. K biografii akademika P. I. Keppena...– S. 232. Sm. takzhe: Chestvovanie pamyati P. I. Keppena // Krymskii vestnik.– 1893.– 23 fevrv.
51. Кёппен. Taurica: als Fortsetzung der Krym'schen Sammlung=Крымский сборник.– Saint-Petersburg, 1840.– 39 s.

52. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.).– СПб.: Наука, 2002.– 676 с.
Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh Yuga Rossii (XVIII – sredina XIX v.).– SPb.: Nauka, 2002.– 676 s.
53. Непомнящий А. А. Историчне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): біобібліографічне дослідження.– Сімферополь: Бізнес-Інформ, 2003.– 456 с.
Nepomnyashchy A. A. Istorychne krymoznavstvo (kinets' XVIII – pochatok XX stolittya): Biobibliografichne doslidzhennya.– Simferopol': Biznes-Inform, 2003.– 456 s.
54. Непомнящий А. А. Крымоведение в Одессе (середина XIX – начало XX вв.): биоисториографические этюды [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время.– 2016.– Т. 12.– Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма.– Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_e-ast12-1.2016.51.
Nepomnyashchy A. A. Krymovedenie v Odesse (seredina XIX – nachalo XX vv.): bioistoriograficheskie jetjudy [Jelektronnyj resurs] // Jelektronnoe nauchnoe izdanie Al'manah Prostranstvo i Vremja.– 2016.– T. 12.– Vyp. 1: Krymovedenie: prostranstvo i vremja Kryma.– Stacionarnyj setevoj adres: 2227-9490e-aprov_e-ast12-1.2016.51.
55. Там же.
Tam zhe.
56. Непомнящий А. А. Из переписки Н. Н. Мурзакевича и Г. Н. Геннади // Библиография и книговедение.– 2018.– № 6.– С. 44–49.
Nepomnyashchy A. A. Iz perepiski N. N. Murzakevicha i G. N. Gennadi // Bibliografija i knigovedenie.– 2018.– № 6.– S. 44–49.
57. Непомнящий А. А. З історії вивчення джерел середньовічного Криму: І. М. Березин // Историчний журнал.– 2006.– № 3.– С. 74–78.
Nepomnyashchy A. A. Z istoriyi vyvchennya dzherel seredn'ovichnoho Krymu: I. M. Berezyn // Istorychnyy zhurnal.– 2006.– № 3.– S. 74–78.
58. Непомнящий А. А. Начало научного этапа разработки источников по истории крымского ханства: В. Д. Смирнов // Золотоордынское обозрение.– 2015.– № 3.– С. 113–142.
Nepomnyashchy A. A. Nachalo nauchnogo etapa razrabotki istochnikov po istorii krymskogo khanstva: V. D. Smirnov // Zolotoordynskoe obozrenie.– 2015.– № 3.– S. 113–142.
59. Веселовский Н. И. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения.– 1889.– № 1, отд. 2.– С. 168–178.– Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века.– СПб., 1887.
Veselovskii N. I. [Retsenziya] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.– 1889.– № 1, otd. 2.– S. 168–178.– Rets. na kn.: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka.– SPb., 1887.
60. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии.– Одесса, 1889.– 252 с.; То же // Записки Одесского общества истории и древностей.– 1889.– Т. 15, отд. 1.– С. 152–403.
Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty v XVIII stoletii.– Odessa, 1889.– 252 s.; To zhe // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.– 1889.– T. 15, otd. 1.– S. 152–403.
61. Непомнящий А. А. Арсений Иванович Маркевич // Вопросы истории.– 2018.– № 11.– С. 29–48.
Nepomnyashchy A. A. Arsenii Ivanovich Markevich // Voprosy istorii.– 2018.– № 11.– S. 29–48.
62. ИБР РАН, ф. 50, оп. 1, д. 8, л. 1–34.
IVR RAN, f. 50, op. 1, d. 8, l. 1–34.
63. Веселовский Н. И. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения.– 1889.– № 1, отд. 2.– С. 168–178.– Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века.– СПб., 1887.
Veselovskii N. I. [Retsenziya] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.– 1889.– № 1, otd. 2.– S. 168–178.– Rets. na kn.: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka.– SPb., 1887.

64. Веселовский Н. И. Отзыв о диссертации В. Д. Смирнова «История Крымского ханства» // Протоколы заседаний Совета имп. Санкт-Петербургского университета за первую половину 1887–1888 академического года.– СПб., 1888.– № 37.– С. 24.

Veselovskii N. I. Otzyv o dissertatsii V. D. Smirnova «Istoriya Krymskogo khanstva» // Protokoly zasedanii Soveta imp. Sankt-Peterburgskogo universiteta za pervuyu polovinu 1887–1888 akademicheskogo goda.– SPb., 1888.– № 37.– S. 24.

65. Веселовский Н. И. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения.– 1889.– № 1, отд. 2.– С. 168–178.– Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века.– СПб., 1887.

Veselovskii N. I. [Retsenziya] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.– 1889.– № 1, otd. 2.– S. 168–178.– Rets. na kn.: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka.– SPb., 1887.

66. ГИМ ОПИ, ф. 369, оп. 1, д. 8, л. 3–13.

GIM OPI, f. 369, op. 1, d. 8, l. 3–13.

67. [Рецензия] // Русский вестник.– 1890.– № 8.– С. 248–251.– Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии.– Одесса, 1889.– 252 с.

[Retsenziya] // Russkii vestnik.– 1890.– № 8.– S. 248–251.– Rets. na kn.: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty v XVIII stoletii.– Odessa, 1889.– 252 s.

68. Шмаков И. [Рецензия] // Екатеринославские губернские ведомости.– 1887.– № 98.– 5 дек.– Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века.– СПб., 1887.

Shmakov I. [Retsenziya] // Ekaterinoslavskie gubernskie vedomosti.– 1887.– № 98.– 5 dek.– Rets. na kn.: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka.– SPb., 1887.

69. Гордлевский В. А. Памяти В. Д. Смирнова (1846–1922) // Гордлевский В. А. Избр. соч.: в 4-х т. – М.: Наука, 1968.– Т. 4.– С. 408–414.

Gordlevskii V. A. Pamyati V. D. Smirnova (1846–1922) // Gordlevskii V. A. Izbr. soch.: v 4-kh t. – M.: Nauka, 1968.– T. 4.– S. 408–414.

70. Иконников В. С. [Рецензия] // Русская старина.– 1888.– № 5.– С. [II].– Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века.– СПб., 1887.

Ikonnikov V. S. [Retsenziya] // Russkaya starina.– 1888.– № 5.– S. [II].– Rets. na kn.: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka.– SPb., 1887.

71. Веселовский Н. И. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения.– 1889.– № 1, отд. 2.– С. 168–178.– Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века.– СПб., 1887.

Veselovskii N. I. [Retsenziya] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.– 1889.– № 1, otd. 2.– S. 168–178.– Rets. na kn.: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka.– SPb., 1887.

72. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века.– СПб., 1887.– С. 209–250.

Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka.– SPb., 1887.– S. 209–250.

73. Там же.

Tam zhe.

74. Там же.

Tam zhe.

75. Веселовский Н. И. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения.– 1889.– № 1, отд. 2.– С. 168–178.– Рец. на кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века.– СПб., 1887.

Veselovskii N. I. [Retsenziya] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.– 1889.– № 1, otd. 2.– S. 168–178.– Rets. na kn.: Smirnov V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka.– SPb., 1887.

76. Гордлевский В. А. Памяти В. Д. Смирнова (1846–1922) // Гордлевский В. А. Избр. соч.: в 4-х т. – М.: Наука, 1968.– Т. 4.– С. 408–414.

- Gordlevskii V. A. Pamyati V. D. Smirnova (1846–1922) // Gordlevskii V. A. Izbr. soch.: v 4-kh t. – M.: Nauka, 1968. – T. 4. – S. 408–414.
77. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. – 432 с., ил. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 3).
- Непомняшчы А. А. Arsenii Markevich: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya. – Simferopol: Biznes-Inform, 2005. – 432 s., il. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; Vyp. 3).
78. Непомнящий А. А. Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX – начале XX века. – Симферополь: Таврида, 1998. – 208 с.
- Непомняшчы А. А. Ocherki razvitiya istoricheskogo kraevedeniya Kryma v XIX – nachale XX veka. – Simferopol: Tavrida, 1998. – 208 s.
79. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. – Киев: Стилос, 2012. – 464 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 15).
- Непомняшчы А. А. Professor Nikolaj Jernst: stranicy istorii krymskogo kraevedeniya. – Kiev: Stilos, 2012. – 464 s. – (Seriya: «Biobibliografija krymovedeniya»; vyp. 15).
80. Севастьянов А. В. Десять лет на службе краеведения: Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / Под ред. А. А. Непомнящего. – Киев; Симферополь, 2010. – 255 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 13).
- Sevast'yanov A. V. Desyat' let na sluzhbe kraevedeniya: Rossiiskoe obshchestvo po izucheniyu Kryma (1922–1932) / pod red. A. A. Nepomnyashchego. – Kiev; Simferopol, 2010. – 255 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 13).
81. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма: в 2-х ч. – Симферополь: Крымиздат, 1951. – Ч. 1. – 230 с.
- Nadinsky P. N. Ocherki po istorii Kryma: v 2-kh ch. – Simferopol: Krymizdat, 1951. – Ch. 1. – 230 s.
82. ГАРК, ф. Р-3296, оп. 1, д. 443, л. 1–3.
- GARK, f. R-3296, op. 1, d. 443, l. 1–3.
83. Ломакин Д. А. Крымская научная сессия АН СССР 1952 года и развитие крымоведения в середине XX века // Питання історії науки і техніки. – 2009. – № 2. – С. 10–17.
- Lomakin D. A. Krymskaya nauchnaya sessiya AN SSSR 1952 goda i razvitie krymovedeniya v seredine XX veka // Pitannya istorii nauki i tekhniki. – 2009. – № 2. – S. 10–17.
84. Брайчевський М. Ю. Кримська сесія 1952 р. // Ruthenica / Ін-т історії України НАН України. – Київ, 2002. – Вип. 1. – С. 175–184.
- Braychevs'kyu M. Yu. Kryms'ka sesiya 1952 r. // Ruthenica / In-t istoriyi Ukrayiny NAN Ukrayiny. – Kyuyiv, 2002. – Vyp. 1. – S. 175–184.
85. Рыбаков Б. А. О серьезных недостатках и задачах в изучении истории Крыма // Тезисы докладов на сессии по истории Крыма 24.V.1952 г. – Симферополь: Крымиздат, 1952; Рыбаков Б. А. Славяне в Крыму и на Тамани // Тезисы докладов на сессии по истории Крыма 24.V.1952 г. – Симферополь: Крымиздат, 1952.
- Rybakov B. A. O ser'eznykh nedostatках i zadachakh v izuchenii istorii Kryma // Tezisy dokladov na sessii po istorii Kryma 24.V.1952 g. – Simferopol: Krymizdat, 1952; Rybakov B. A. Slavyane v Krymu i na Tamani // Tezisy dokladov na sessii po istorii Kryma 24.V.1952 g. – Simferopol: Krymizdat, 1952.
86. Брайчевський М. Ю. Кримська сесія 1952 р. // Ruthenica / Ін-т історії України НАН України. – Київ, 2002. – Вип. 1. – С. 178–180.
- Braychevs'kyu M. Yu. Kryms'ka sesiya 1952 r. // Ruthenica / In-t istoriyi Ukrayiny NAN Ukrayiny. – Kyuyiv, 2002. – Vyp. 1. – S. 178–180.
87. Институт археологии Крыма РАН, научный архив. Стенограмма объединенной научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук СССР по вопросам истории Крыма. 23–25 мая 1952 г., л. 1–346.
- Institut arkhologii Kryma RAN, nauchnyi arkhiv. Stenogramma ob"edinennoi nauchnoi sessii Otdeleniya istorii i filosofii i Krymskogo filiala Akademii nauk SSSR po voprosam istorii Kryma. 23–25 maya 1952 g., l. 1–346.
88. Ломакин Д. А. Крымская научная сессия АН СССР 1952 года и развитие крымоведения в середине XX века // Питання історії науки і техніки. – 2009. – № 2. – С. 10–17.
- Lomakin D. A. Krymskaya nauchnaya sessiya AN SSSR 1952 goda i razvitie krymovedeniya v seredine XX veka // Pitannya istorii nauki i tekhniki. – 2009. – № 2. – S. 10–17.

89. Институт археологии Крыма РАН, научный архив. Стенограмма объединенной научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук СССР по вопросам истории Крыма. 23–25 мая 1952 г., л. 1–346.

Institut arkheologii Kryma RAN, nauchnyi arkhiv. Stenogramma ob"edinennoi nauchnoi sessii Otdeleniya istorii i filosofii i Krymskogo filiala Akademii nauk SSSR po voprosam istorii Kryma. 23–25 maya 1952 g., l. 1–346.

90. Там же.

Tam zhe.

91. Там же.

Tam zhe.

92. Там же.

Tam zhe.

93. Там же.

Tam zhe.

94. Там же.

Tam zhe.

95. Там же.

Tam zhe.

96. ГАРК, ф. Р-3296, оп. 1, д. 176, л. 1–4.

GARK, f. R-3296, op. 1, d. 176, l. 1–4.

97. ГАРК, ф. Р-3296, оп. 1, д. 358, л. 1–24.

GARK, f. R-3296, op. 1, d. 358, l. 1–24.

98. ГАРК, ф. Р-3296, оп. 2, д. 118, л. 1–2.

GARK, f. R-3296, op. 2, d. 118, l. 1–2.

99. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма: в 2-х ч. – Симферополь: Крымиздат, 1957. – Ч. 2. – 303 с.

Nadinsky P. N. Ocherki po istorii Kryma: v 2-kh ch. – Simferopol: Krymizdat, 1957. – Ch. 2. – 303 s.

100. Очерки по истории Крыма / Под ред. И. С. Чирвы.– Симферополь: Крымиздат, 1964. – Ч. 3.– 222 с.; Ч. 4.– 307 с.

Ocherki po istorii Kryma / Pod red. I. S. Chirvy.– Simferopol: Krymizdat, 1964. – Ch. 3.– 222 s.; Ch. 4.– 307 s.

Nepomnyashchy A. A. Formation and development of the historiography of the history of the Crimea: major milestones (the second half of the XVIII – the first half of the XX century)

The first attempt to summarize the extensive material on the formation of the Crimean historiography was undertaken. The origin of interest to the Crimea in the scientific literature, which was closely related with the political and economic interests of the Russian Empire, was demonstrated. The role of the expeditions of the St. Petersburg Academy of Sciences and numerous notes of Russian and European travellers for becoming knowledge of the peninsula was shown. Some of the largest figures of Crimean local history, whose writings became the basis for further research for its era, were selected. The proceedings of E. E. Keler, P. I. Keppen, V. D. Smirnov, and others presently not only did not lose relevance, but it's are in the first lines of citation ratings. The formation of the local scientific group of historians, united in the Taurida Scientific Archival Commission (1887–1923), was investigated. The meaning the most productive scientific community of the 20s of the XX century, Russian Society for the Study of the Crimea, was considered. The history of creation in the mid-twentieth century the first attempt at writing an official generalizing scientific work on the history of the Crimea (P. N. Nadinsky) was investigated.

Keywords: historiography, the Crimea, Crimean local history, study of the Crimea.